

I

m. 4108, ff. 7-8.

Любек 16 (28) ав[густа] 1834

Мы благополучно прибыли сюда вчера вечером. Пашенька выдержала хорошо плавание и по крайней мере, по-видимому, ей не хуже и она не слабее, хотя и испытала морскую болезнь в несколько приемов. У нас были сутки и особенно-же одна ночь очень тяжелые, качка сильная, но ветер не противный и потому мы доплыли до Травемюнда в трое суток с половиною. Мы все более, или менее страдали. Я пролежал целые сутки на палубе, а жена пролежала почти все время в каюте. Машенька также была в числе лежачих. Бодрее всех были Пашенька и Надинька, которая была потешницею всей компании и перечла даже лавку у чревоушателя Александра, спутника нашего. Народ был у нас на пароходе неважный, но очень добрый, ласковый и услужливый. Здесь нашли мы Свербеевых, которые возвращаются к Вам на нашем пароходе и везут это письмо. Завтра отправляемся мы в Гамбург, а оттуда прямо в Ганау, чтобы не сбиваться разногласием советов, мнений и докторов, а предаться в руки Коппа, о котором говорил нам Жуковский. Голова идет кругом от всех толков, каждый советует свое место и своего доктора¹. Во все время плавания провожал нас петербургский жар и только в Любеке встретила нас довольная свежая погода и дождь. О дорожных впечатлениях своих не говорю, потому что их нет. Все для меня в каком-то тумане и заслоняется одною мыслию, а прояснится разве только тогда, когда взойдет день выздоровления Пашеньки. Надобно-же мне было в первый раз в жизни выехать за границу и в таком расположении духа. Пишите нам в Гамбург *poste-restante*,¹ а я уже дам знать туда куда переслать ко мне письма. У Вас-ли еще Павлуша? Поцалуйте и благословите его за меня. И он сидит у меня на сердце тяжелою заботою. Как устроится он на новом месте и в новой части своей? Да совершается воля Господня! Это, разумеется, общее заключение каждого во всякое время и во всех делах жизни, но в моих обстоятельствах оно точно имеет особенное значение и рассудку и душе моей нечего сказать иного. Одним разом ближайшие сердцу связи вырвались из моей воли и не от меня уже зависит управлять ими и хранить их, остается только в сокрушении и умилении духа молиться за них и предать себя и их Божьему промыслу. Не помню просил-ли я Вас брать Павлушу по воскресеньям и праздникам к себе, когда возвратитесь в город. Мы так условились о том с Стендером. Простите милый и сердечный друг. Молитесь за нас. Обнимаю Вас и Ваших всею душою, также и Жуковского, к которому прошу передать это письмо, потому что писать особенно к нему на сей раз нечего, а буду писать из Ганау. Еще раз всех Вас обнимаю.

* Non avendo potuto controllare il testo direttamente sul manoscritto, abbiamo dovuto servirci di un microfilm, spesso poco chiaro; possono quindi essere sfuggite parecchie inesattezze. L'asterisco, salvo altri richiami specifici, indica che siamo rimasti incerti nella lettura della parola.

¹ Seguono alcune righe in francese scritte da Vera Fëdorovna.

II

m. 4105, ff. 1-2.

Postilla di P. A. Vjázemskij ad una lettera in francese di Nàdin'ka da Amburgo.

Гамбург 1 сен[тября] (20 авг[уста]) 1834.

Здравствуй друг мой Павел. Часа через два выезжаем из Гамбурга и едем в Ганау, чрез Ганновер, Гетинген, Кассель. Следуй за нами, по крайней мере, по карте. Очень мне жаль, что ты не с нами для совершения практического курса географии. Гамбург очень милый город, живой, так и кипят улицы народом, виды и окрестности прелестные. Скажи Александру Карамзину ¹, что ему только-бы и жить в Гамбурге, можно целый день шататься на площадях и на гуляниях с неугасимою сигаркою во рту, петь немецкие песни и передразнивать прохожих. Впрочем он мог-бы здесь служить и по своей артиллерийской части, только нужно запастись ему брюшком. Все пушкари и вообще все войско здешнее такие пузанчики что любо. — Напиши мне вывезены-ли все вещи наши в таможду, определились-ли к местам своим Федотка, Егорка etc. etc. ² и все-ли уже сделано как приказанно было пред отъездом нашим.

Прости, мой милый друг. Обнимаю тебя от всей души. Бог с тобою и с нами!

¹ A. N. Karamzín (1815-1888) aveva studiato dal 1832 al 1833 all'università di Dorpat; in seguito abbandona gli studi e si dedica alla carriera militare.

² Servitori dei Vjázemskij che questi non avevano condotto con sè; viaggiava con loro la cameriera Paraša e un'altra di cui ignoriamo il nome.

III

Postilla di P. A. Vjázemskij ad una lettera in francese di Nàdin'ka, Pàšen'ka e di Vera Fëdorovna da Hanau.

m. 4107, f. 3.

Франкфурт 5 (17) сен[тября].

Вот тебе мой друг Павлуша, длинное письмо от сестер твоих. Мне на сей раз сказать тебе нечего, кроме того, что проживаем в Ганау порядочно тихо, уединенно, но, надеюсь с пользою для здоровья Пашеньки. Большой перемены к лучшему еще ожидать нельзя. Сегодня только минула неделя, как Копп начал лечить ее, но он имеет надежду овладеть болезнью, а я имею полную уверенность к нему. Я приехал сюда на несколько часов, а в конце недели приеду еще раз с Машенькою. Город, кажется, очень хорош и в настоящее время ярмонки, много курьезностей, как-то уродов, зверей, восковых фигур и шарлатанов, но я еще ничего не успел видеть. Нас удивляет и печалит, что мы еще не получали, ни строчки ни от кого из вас, а особенно-же от тебя.

Маменька и сестры твои уверяют, что ты не писал из Таиц, а дожидался торжественности открытия колонны, я за тебя заступаюсь и спорю, что если ты только здоров, то верно писал к нам спустя неделю по нашем отъезде, как и было условленно у нас с тобою. Увидим кого ты оправдаешь меня, или их. Нечего повторять мне, как непростительно и грешно тебе будет лениться, или забывать писать к нам. Надинька одна потешница наша. Бог знает откуда берет она все что лезет у нее из головы, но нельзя быть ее забавнее, даже и Пашеньку заставляет она смеяться и хохотать. Поздравляю тебя с завтрашним днем рождения Маменьки, а ныне с именинами Лизаньки ¹. Обнимаю и благословляю тебя от души. Бог с тобою и с нами! *Faites bien je vous en prie, mes compliments à M.r Stender* ².

¹ Elizaveta N. Karamzinà, figlia minore dello storiografo.

² Nome del proprietario del pensionato al quale Vjázemskij aveva affidato il figlio durante la sua assenza.

IV

m. 4108, ff. 9-10.

Ганау 19 сентября (1 октября) 1834

Я очень рад, что ты оправдал меня пред Маменькою и пред сестрами, мой друг Павлуша, и написал нам до тридцатого числа. Теперь ожидаем второго письма и там следующих, и признаться, давно поджидаем. Сделай милость, устройся так, чтобы писать нам, по крайнеей мере, три раза в месяц, например первого числа каждого месяца, десятого и двадцатого или как хочешь, но только заведи порядок и держись его. Не требуем всегда больших писем. Когда немного у тебя лишнего времени, или нет особенного расположения чернить белую бумагу, давай нам просто весть о здоровье своем и о том как поживаешь и как идут занятия твои и как доволен тобою Г[осподи]н Стендер. У нас идет все помаленьку и благодаря Бога довольно хорошо. Доктор Копп доволен Пашенькою, и мы следовательно довольны Коппом, а я и очень доволен Ганау. Не знаем еще долго-ли здесь пробудем. Завтра уезжаю отсюда дня на три. Хочу погулять по Рейну ¹. Благо, что нашелся здесь товарищ ², который принуждает меня ехать не отлагая, а то я все собирался и все откладывал, между тем время уходит, дни становятся короче и ночи холоднее. Осень все еще хороша, но теперь осень осенняя, а то была летняя, каникульская. Недавно только перестал я купаться в желтых водах Майна. Сейчас были у нас три трубадурки, сестры, скитающиеся по городам с своими гитарами, арфою и песнями. Они играли и пели у нас в комнате Пашеньки, которая слушала их с удовольствием, а они приняли за то с большим удовольствием наш талер. В тихом Ганау эти уличные виртуозы редкость, но например во Франкфурте на всех перекрестках, площадях, дворах, пред всеми окнами гудят, трубят, поют, бренчат с раннего утра до позднего вечера. Каждый

¹ Cfr. sotto note alla lettera V.

² Non conosciamo il nome di questo compagno.

слушающий дает несколько грошей, если хочет, и дело с концом. Известие твое о смерти Муханова ³ нас поразило и сердечно огечалило. Полно правдали? На всякий случай скажу тебе, чтобы вперед давал ты нам только те известия, которые не подлежат уже сомнению, а особенно-же когда дело идет о неприятном известии. С нетерпением ожидаем письма от тетеньки Карамзиной и Жуковского. Я недавно писал ему оставив письмо у Маркелова франкфуртского ⁴. Дам тебе еще совет писать не спеша. В письме твоём много таких ошибок, которые остались от ветренности твоей. Пощади мое родительское самолюбие. Ты знаешь, что на многих почтах имеют худую привычку распечатывать и читать чужие письма, и ты легко можешь попасть на дурное замечание в орфографическом отношении у Европейских правительств. Прости, мой милый друг. Обнимаю и благословляю тебя от полноты души и молю Бога о твоём здравьи и просвещении ума и сердца твоего. Нежно поцалуй ручки за меня у тетеньки и обними братцев ⁵, Лизу ⁶ и Жуковского. Смирновым мой сердечный поклон. *Faites je vous prie, bien mes compliments à Monsieur de Stender et priez le de me dire comment vont vos études et votre conduite* ⁷.

³ A. A. Muchànov (1800-1834), letterato. La notizia della morte fu quindi esatta, benchè Vjâzemsckij la mettesse in dubbio.

⁴ I. I. Markélov, dal 1820 al 1842 circa il segretario della Legazione russa presso la Confederazione Germanica.

⁵ I cuginetti Karamzìn.

⁶ Liza, diminutivo di Elizaveta Karamzinà.

⁷ Segue una postilla di Vera Fëdorovna.

V

Vjâzemsckij ha scritto questa lettera su un foglio decorato con un panorama della città, che porta stampato il nome di Hanau.

m. 4108, ff. 3-6.

14 (26) октября 1834.

Доктор Копп начал говорить об отъезде нашем. Ганауский карантин наш подходил к концу. Надобно-же мне было пред отправлением в дальнейший путь досмотреть соседственный Рейн, который я видел только с одного боку. Мы положили ехать с Машею в субботу 6 (18) го в *Рюдесгейм*, ночевать там, в понедельник осмотреть *Рейнгау*, торжественно на ослах объездить *Нидервальд*, к вечеру переплыть в *Бинген*, провести в нем ночь и на другое утро дождавшись парохода из *Майнца* пересестъ в него и пуститься с ним в *Кельн*. Возвратный путь хотели мы там обдумать соображаясь с погодою и рассчитывая время, ибо нам должно было к воскресенью, то есть к нынешнему дню, явиться в Ганау к именинице своей. Коляска была заказанна к шести часам утра, но с вечера поднявшаяся буря с проливным дождем грозила нам, что утро вечера может быть мудренее. Так и было. Мы уступили необходимости и остались дома. В воскресенье погода немного прояснилась и чтобы поставить

на своем переменяли мы только план нашей поездки и после обеда отправились во Франкфурт ¹. Вечером успели еще быть в театре и видеть дунайскую русалку. Оркестр и певцы порядочные, хотя лучшие и не пели, но театр вообще беден и волшебная опера с превращениями была запросто представлена без волшебства и без превращений. На другой день, поехали мы в *Майнц*. Погода нам довольно благоприятствовала и покушав на высотах *Гохгейма*, прославленного вином своим, свежего при нас сорванного винограда, который сладко таял во рту нашем, как прохладный и благоуханный сахар, мысленно уже душились мы и прыскались вдали ожидающею нас *кельнскою водою* (на камердинерском языке называемою *о ди колонь*) и высокомерно радовались, что переупрямили осень. В Майнц приехали мы к обеду, то есть в час и сели за общий стол. Старый француз тут председательствовал и риторствовал, порочил французское министерство и в особенности нападал на Сульта ², обвиняя его в лихоимстве и в совершенном расстройстве французской армии, говоря, что нет в ней ни одной путной лошади. Другой собеседник

¹ Cfr. *Zapisnye knižki*, p. 235. [*Poezdka v Germaniju*. 1835] (*Viaggio in Germania*).

Октябрь 1835

Domenica 7 (19) siamo arrivati alle sei di sera a Francoforte. Abbiamo cercato i Lagrené, erano partiti per Parigi. I Markélov. Al teatro il primo atto di *Ondina*, un'opera magica senza magia. Il teatro era pieno zeppo. Ci siamo rifugiati nel palco della signora Markélova.

Lunedì.

Alle dieci del mattino siamo partiti per Magonza in una carrozza a due cavalli, noleggiata per sette fiorini. Lungo la strada abbiamo mangiato l'uva di Hochheim. Poco dopo le due siamo arrivati a Magonza e ci siamo fermati alle « Tre corone ». E' un albergo cattivo e cattivo fu il pranzo. Dopo pranzo siamo andati in carrozza alla *Favorite*, una fortezza; sono stati piantati dei pioppi al posto dove avveniva l'esecuzione dei briganti. Il teatro, la biblioteca. Scriva il diario chi ha voglia, ma io sono un umile servitore. Non esiste nulla di più noioso, soprattutto se si scrive con la penna di un albergo con i nervi scossi per la pioggia, per per...

1835. Giovedì 18 (30) ottobre.

Siamo partiti da Hanau alle quattro e mezza del pomeriggio.

Questa parte pubblicata da V. S. Nečàeva è preceduta nel manoscritto da una nota francese, non pubblicata nella nuova edizione russa:

Samedi matin - 8h à Wiesbaden - coucher à Wiesbaden. Dimanche Rüdesheim, coucher à Bingen. Lundi matin vers les huit heures le bateau à vapeur, coucher à Cologne. Mardi à Cologne. L'après midi à Bonn. Mercredi Coblenz. Jeudi s'embarquer pour Mayence. Vendredi Wiesbaden auberge à la poste. Coblenz *Hosch* (?). Mayence *Rheinischer Hof* (cfr. CGALI, fondo 195, m. 1115, f. 1).

In questa nota francese si tratta della prima gita sul Reno compiuta da Vjázemskij con un « compagno », di cui purtroppo ignoriamo per ora il nome e al quale aveva accennato nella lettera al figlio del 19 settembre (1° ottobre) 1834. Egli diceva, infatti, « verso la fine della settimana » partiremo e il primo giorno è qui « samedi », pensiamo che potrebbe essere il 23 settembre (4 ottobre). La seconda nota in russo si riferisce invece, all'escursione con Mar'ja descritta nella presente lettera e coincide perfettamente con le date indicate nella lettera.

La nuova edizione del diario contiene a p. 441 una nota dell'editore che si domanda come mai Vjázemskij avesse compiuto questa breve escursione in Germania nell'autunno 1835, tanto più che l'8 settembre era ancora a Pietroburgo e il 25 novembre di nuovo. Secondo noi, invece, non si tratta di una escursione del 1835, ma bensì del 1834, come provano le date perfettamente coincidenti della lettera e dell'annotazione; coincidono inoltre la data e l'ora della partenza da Hanau, come rileviamo nel diario del 1834 a p. 222. Nell'archivio di Ostaf'ëvo si trovano, inoltre, alcune lettere scritte da Vjázemskij nell'autunno 1835 da Pietroburgo, che dimostrano che trascorse tutto l'autunno nella capitale.

² N. J. Soult (1769-1851), duca di Dalmazia, generale e uomo politico.

довольно умеренно, но однако-же с твердостью защищал и Сульта и образование французской армии говоря, что она вовсе не в таком худом положении, что он недавно возвратился из Франции, объехал многие места в коих расположены военные квартиры, имел случай расспрашивать офицеров и солдат о средствах и о содержании их и убедиться, что все в надлежащем порядке и достаточном благоустройстве. Француз стоял все на своем и хотя наружностью своею никак не походил на военного говорил о военном деле весьма положительно и, казалось, со сведениями и опытностью. Тут разговор и прения стали живее, но с соблюдением отменной вежливости с той и другой стороны. Занимательно было видеть, как каждый старался выведать с кем он имел дело: старик не вступил-ли он в спор с офицером французской армии, а тот с какимнибудь карлистом, бывшим, может быть, некогда, участником в правлении. Пошла речь об артиллерии. Старик утверждал, что французская артиллерия, не имеет равной себе ни в каком государстве Европы и далеко превзошла все прочие, исчисляя все выгоды, коими она пользуется пред другими от многих нововведений и открытий еще неизвестных в других армиях. Противник возражал, что превосходство французской артиллерии было в самом деле, несомнительно до 14-го года, но что с того времени многие последовавшие преобразования в некоторых европейских армиях, довели равномерно и их артиллерии до степени совершенства, не уступающей ни в чем французской. Тут французское самохвальство взяло вверх над недоброжелательством к нынешнему положению Франции и военной силы ее и открыло залп со всех батарей своих, впрочем все с большою осторожностью, заражая орудия свои аттическою, или французскою солью учтивых перифраз и действуя холостым огнем, чтобы не ранить противника, не забывая при том и принудить его, если не сдаться, то по крайней мере обмолвиться и выказать и высказать себя. На много кратные требования старика наименовать те артиллерии, которые могут сравниться с французскою, состязатель после некоторых довольно искусных движений для сохранения безличности своей должен был однако-же дать определительность выставленному им мнению и сказать, что например прусскую и русскую артиллерию можно смело признать равного достоинства с французскою и начал также исчислять подробно все преобразования, коими она усовершенствовалась в последнее время. Француз частью добился до цели своей заставив противника своего по крайней мере до половины приподнять забрало свое и кажется был доволен победою своею. В след за тем узнав уже решительно, что имеет дело с прусским офицером, обратил речь на общее благоустройство Пруссии, на счастье иметь одного короля, а не многих министров самоуправно господствующих под прикрытием конституционной ответственности министерской и повернув лафеты свои навел их на Луи-Филиппа, признавая однако же в нем и отменный ум и отменную тонкость. Сам-же до конца сохранил свою безименность и только после узнал я, что он был некогда богатый человек, участвовал в разных денежных спекуляциях и оборотах и вероятно именно в поставках военных, обчелся в своих сложениях и умножениях и оставил Францию, женат на англичанке, которая сидела возле него за столом и подливала вино ему говоря, что нужно ему промочить горло перегоревшее от прения слов в живом и жарком споре и что наконец он приехал на зиму в Майнц, живет в *гостинице под тремя звездами*, где говорит и говорить будет за четырех NB французов, то есть на немецкий счет по крайней мере за восемь, а на английский за шестнадцать, NB английских

болтунов, потому что если подвести под общий народный счет, то и вычислить нелегко сколько пойдет английских односложных звуков на один французский период. — Эта застольная драматическая сцена была очень занимательна и хорошо разыгранна: она несколько приправила обед наш довольно плохой и частью подогретый, потому что пришли мы немного поздно. Между прочим Француз рассказал забавный анекдот: в военное время и в самое ожидание сражения какой-то офицер приходит к начальнику своему и просится в отпуск говоря, что получил он известие о болезни папеньки своего. Начальник согласившись на просьбу его сказал: *Père et mère honoreras, afin que tu vives longuement.*

Кстати и чтобы не забыть, я здесь узнал новое слово Алек[сандра] Льв [овича] Нарышкина ³. В последний проезд его чрез Майнц предложили ему прогулку на горы вдоль Рейна: non, non отвечал он, *avec la montagne comme avec les femmes, j'aime à être à leurs pieds.* — Майнц довольно красиво выстроенный город расположенный по берегу Рейна в виду впадения в оный Майна. Мост чрез Рейн соединяющий город с древним укреплением (*Castelle*) ныне возобновленным и протонародно называемым *Кассель* и ряд мельниц построенных на самой, или в самой реке вдоль моста и занимающих около половины его дают живописное зрелище. Мы осматривали место называемое *Favorite* на высоте обсаженной аллеями и красиво расположенной для прогулок пешком и в колясках. Это сборное место городских жителей летом по воскресеньям. Кругом седая древность высовывает голову свою из развалин и остатков римского *вседержавия*, которое имело здесь свои военные постои. Следы его исполненного величия сталкиваются повсюду с новейшими следами наполеоновского *вседержавия*. Рим и Наполеон! В обширности сих двух имен поглощаются впечатления современные. Вам показывают новые укрепления с искусством воздвигнутые, по ним ходят прусские и австрийские часовые, но вы их не видите, потому что в глазах у вас торчат две огромные тени: Рим и Наполеон! Потом поехали мы поклониться другому памятнику, который также имеет право присоединиться к сей *вседержавной* чете, и едва-ли еще не занять над ними первое место. Говорю о памятнике родоначальника книгопечатания, *Иоганна Генцефлейша фон Зоргелоха*, прозванного *Гутенбергом*, по имени жительства его на *доброй горе*. Не даром судьба сунула его на гору. И ему дьявол мог-бы показывая с нее *все царства мира и славу их* сказать: все сие отдаю тебе! Жаль, что памятник человека, который более всех способствовал *гласности* не стоит в городе на *гласном месте*, на площади, а напротив как будто таится за оградю на тесном дворе, хотя и принадлежащем публичному *Casino* и впрочем воздвигнутый на самом том месте где стоял дом его. В журнале моем, который передам печати ⁴ будет при сей верной оказии много философических суждений о книгопечатании, две три эпиграмматические выходки на Полевого и Булгарина ⁵ и проч[ие] и проч[ие] и все то, что при таком случае сказать можно и даже должно, когда дело идет о том, чтобы раскормить книгу, которую выводил на рынок для продажи. Но здесь этот труд был-бы лишний и мы пойдем далее. В библиотеке, в ко-

³ A. L. Narýškin (1760-1826) dal 1799 al 1819 direttore dei teatri.

⁴ Nell'Archivio Centrale era stato elencato in un vecchio repertorio un diario del viaggio in Italia redatto a parte. Malgrado le nostre insistenti ricerche non siamo riusciti a trovare questo diario in nessun altro elenco nè cartella.

⁵ I due nemici letterati erano: N. A. Polevòj (1796-1846) che Vjázemskij non risparmiava da quando non era più collaboratore del «Moskovskij telegraf» e F. V. Bulgàrin (1789-1859).

торой впрочем мы не видали книг, поверя на слово, что их 80,000 и в числе оных несколько первенцев печатания, как например псалтырь 1459, Библия 1462 года показывали нам несколько замечательных картин известных маляров, но и тут смотрел я более на слово, нежели собственными глазами, ибо во первых становилось уже темно, а во вторых я вообще в живописи темный человек. В изящных искусствах живопись для меня есть последнее. Как ни будь картина превосходна, но все она подражание, фокус-покус искусства, который вам показывает в картоне своем город, лес, море, человека. Но выйдя на улицу и все это увидишь еще в лучшем виде. В статуях все же более истины и действительности: в поэзии более жизни, движения и обмана. В музыке, но о музыке говорить нечего, ибо она не есть подражание, а создание, полный мир, в котором душа не отделяясь от тела живет новою, постороннею жизнью, совершенно отдельно от вседневной. Новый театр очень красив и снаружи и внутри. Расположением зала напоминает и Александрийскую и Михайловскую. Последние лучи заходящего солнца прекрасно осветили пред нами соборный храм. Красное здание как-бы тонким пламенем залито, горело так ярко, что казалось храмом солнца. Тут мы с солнцем и простились. Оно заперлось и с той поры уже не показывалось нам. Представьте себе тьму холодную в которой пробуждают Вас, сказывая, что пробило пять часов и пора вставать. Зачем, не на охоту-ли на медведя в сибирских лесах? Нет, для романтической прогулки по Рейну на пароходе. Он отходит в шесть часов утра, а в нынешнюю пору года еще не рассветает, а в нынешнюю пору года комната в немецком трактире словно погреб, когда печь еще не вытопленна. Делать нечего, в ожидании мороза по коже от рейнских романтических восторгов сырой холод подирает тебя, при тусклом свете сальной свечки спешить одеться, прибрать свои пожитки, выпить без вкуса кофе чуть обеленное жидким молоком, (ибо я еще ни одной ложки *сливок* в Германии не видал), расплатиться за ночлег и за харч с трактирщиком и после всех сих прозаических приготовлений начать свою поэтическую Одиссею. Наконец мы выходим на улицу и первое впечатление сего долгожданного дня есть *дождливое*. С дождем сели мы на пароход и дождь провожал нас почти вплоть до Кобленца, ибо подобно эмигрантам мы далее Кобленца не ходили. Нас так порядочно вспрыснуло на дороге, что уже было нам не до колоньской воды. Зло подшутило над нами небо. Оно показало нам Рейн и живописные берега его со скалами которые громоздятся одна на другую и с замками и развалинами, которые гнездятся на сих скалах, как Бригадир Дурасов⁶, по уверению Ростопчина⁷, показывал картины свои держа руку пред свечкою, вместо того, чтобы держать ее за свечкою для лучшего отражения света. Небо же заслонив солнце облаками водило нас по рейнской картинной галерее. На зло ему я не сходил с палубы и обязан Рейну несколькими живыми впечатлениями. Надобно было довольствоваться видами на первом плане картины: в перспективе не видать было жегчего, да и вблизи нередко облака ходили по уступам гор и загораживали зрение. Не стану исчислять Вам все замки, развалины, города, местечки которые мелькали пред нами: все это найдете Вы после в напечатанных письмах моих к Вам, а пока, если Вам невтерпех то можете отыскать в книге Господина *Шрейбера*. Замечу Вам только, что Вы не должны верить страху его

⁶ Ci è difficile chiarire a quale Duràsov voglia accennare; forse intende un certo Nikolàj Aleksévič che intratteneva sotto Alessandro I un esercito privato.

⁷ F. V. Rostopčîn (1763-1826), governatore di Mosca all'epoca della guerra napoleonica.

(у страха глаза велики) когда он говорит о крутом повороте Рейна и прибавляет: *où la tour des rats sort menaçante de ses flots*. Воля Жуковского и Шрейбера⁸, это страшилище разве для одних мышей и может пригодиться для мышеловки. Не знаю водятся-ли еще там крысы, но знаю, что я мокрою крысою проплыл мимо ее. Разнообразное течение Рейна очень живописно. То разливается он озером крепко и кругом запертый скалами: глаз не видит исхода ни в какую сторону. То развивается он прямым и узким каналом и небо над ним вставленное в продолговатую раму также вытянуто полосою, то вдруг заворачивает он в какой-то глухой переулочек. Стены вдоль боков его обиты то черными плитами, то зелеными виноградниками, то словно разноцветными обоями по коим выпукло расписаны здания городов, сельские жилища, здесь уединенная часовня, там обломки древних укреплений, и под скалами, то есть вдоль их подошв с обеих сторон тянутся прекрасные шоссе, по коим нельзя сказать, что скачут, хотя бы картина была от того живее, но также тянутся почтовые коляски, ибо *la poésie e a ses licences*, mais даже и в поэзии нельзя позволить себе заставить скакать немецкую почтовую лошадь. Впрочем, если нет ничего живописного в немецкой почте (то-ли бы дело пустить тут русскую тройку) то немецкие высокие фуры, род сараев на колесах, довольно картинно безобразны. На пароходе нашем как в Ноевом ковчеге было много всякой всячины, а особенно же англичан, которые образуют какую-то необходимую принадлежность Рейна. Англичане приписные души всех пароходов, всех общих столов и в особенности рейнских. Между прочими был один с нами с зеленым зонтиком на глазах: один уже он проглаголал в Швейцарии и дощуривал остальной на Рейне. Часто они сидят все время в каюте уткнув нос в карту, или в печатный руководитель и только к сведению принимают, что тут стоит такой-то замок, такая-то гора, и едва взглянув на живую природу опять принимаются за печатную. Неимоверно, что встречаешь англичан и англичанок, это настоящий роман Булвера⁹ в лицах: *Рейнские пилигримы*. Пред целью плаванья нашего небо несколько очистилось и Кобленц явился нам в довольно ясном виде. Мы пристали во втором часу. Пароход высадил нас на берег, принял несколько новых путешественников и пустился далее. Тут мне жаль стало, что я, не остался при первом намерении и не мог совершить весь пароходный поход. Но вскоре имел случай утешиться, ибо небо опять нахмурилось и дождь перемежался только малыми отдыхами. Остановились мы в новом трактире на берегу Рейна, называемом Bellevue и не самозванце. Вид из него на мост и на огромный *Эренбейтштейн* очень живописен. Обед наш за общим столом не имел ничего драматического. Прозаические немцы ели за обе щеки с отменным добродушием и только после обеда взобрались мы на высокую скалу, или на несколько высоких скал друг на друга взгромоздившиеся и в недавнем времени заново укрепленных, так что ныне *Эренбейтстенская* крепость, едва-ли не вторая после гибралтарской в числе известных неприступных крепостей. О военном достоинстве ее судить не могу, но местоположение ее живописно и величест-

⁸ A. W. Schreiber (1783-1841) storico e autore di *Handbuch für Reisende am Rhein* con un'appendice contenente una ricca raccolta di leggende renane. Vjâzemskij consultò quest'opera probabilmente nell'edizione francese: *Manuel des voyageurs sur le Rhin*, Heidelberg 1819, e cita a p. 159.

⁹ E. G. Lytton, conte di Bulwer-Lytton (1803-1873), scrittore inglese, aveva pubblicato nel 1834 *The pilgrims of Rhine*.

венно и устройство ее должно было стоять исполинских трудов. Вообще все эти крепости, кажется, построены задним умом, на случай появления нового Наполеона. Хороши были-бы они в его время и в преграду ему, но теперь от кого обороняться? Да и польза укрепленных мест очень верно была определена подмосковным мужиком в разговоре с Нелединским¹⁰. Нелединский ехал из Москвы в первых числах сентября 1812 года перед самою сдачею столицы. В деревне где остановился он кормить лошадей окружили его крестьяне, и начали расспрашивать о военных действиях и что будет с Москвою. Он, разумеется, успокоивал их и говорил, что Кутузов хочет поставить сильные укрепления на дороге, чтобы не допустить Француза в Москву. — «Ну, а как пойдет Француз по другой дороге?» — спросил один из мужиков и Нелединский не знал что отвечать. — В Кобленце кроме крепости почти нечего смотреть. Вечером были мы в театре. Давали фарсу Коцебу, но игра актеров не столько забавляла нас, как публика, которая была совершенно по домашнему. Никогда не видал я тогого свободного обхождения, уличные, грязные мальчишки бегали по зале, лазили по столбам и печам, чтобы по выше сесть и лучше видеть, радуясь дурачеством актера, который в самом деле играл с отменною и непринужденною веселостью; публика не смеялась, не хохотала, а взвизгивала, рычала, вскакивала с места. Убранство театра и опрятность его напомнила мне наши губернские театры. Освещение такое, что только достаточно было видно, что темно. Впрочем большинство партера состояло из гарнизонных солдат. Мы наняли коляску до Франкфурта, чтобы на обратном пути осмотреть несколько замечательных мест по Рейну. В Кобленце имели мы лон-лакея, который служил Меццерским¹¹, ездил с ним по всем развалинам и остался ими очень доволен. Да, не прощу себе, что забыл прочесть в Кобленце лучшую русскую эпиграмму написанную генералом Юзефовичем¹². Во время французского правления сооружен был в Кобленце фонтан в 1812 г [оду] и начертанна на нем по приказанию префекта надпись похвальная Наполеону и грозная России. По вступлении русских войск в город Юзефович велел сохранить эту надпись, но прибавить к ней: «Vu et approuvé par le général Russe commandant à Coblence — Josephowicz».

Утром часов в восемь, 10 (22) го числа, пустились мы по левому берегу Рейна. Об этом походе сказать нечего кроме того, что мы в дождь видели по сухому пути сквозь тот-же туман и мокрую серую завесу места, которые накануне сквозь дождь видели мы с воды. Есть-ли какое нибудь различие в сухопутном дожде и речном сказать утвердительно не могу. Знаю только, что в ясную погоду прогулка эта должна быть пленительна, хотя с реки видишь одну фасаду декорации берега, а ехав по берегу входишь иногда в кулисы и теряешь из виду полноту картины. Между *Св. Гоаром* и *Обер-Везелем* находится пещера пред которою коляска останавливается, из пещеры выходит молодец с трубою и пистолетом и начинает трубить и палить. Тут есть удивительное эхо: труба раздаётся по скалам, как труба последнего суда, или голос Графа Литты¹³, когда он говорит о колонне Александровской, а пистолет как батарейный залп из шести орудий. Несмотря на дождь и грязь и хоть-бы англичанам так поступить, влезли мы на *Рейнштейн*, древний Бург

¹⁰ Intende il poeta Ju. A. Neledinskij Meléckij.

¹¹ I Karamzin Meščerskij avevano preceduto i Vjazemskij di poche settimane.

¹² D. M. Juzefovič (1777-1821), generale maggiore.

¹³ Ju. P. Litta (1763-1839) era dal 1789 in servizio governativo russo.

подновленный на старьй лад прусским принцем Фридрихом, племянником короля. В нем много германских древностей и расположен он очень хорошо. Вид из него даже и при ясном небе не должен быть обширен и разнообразен. Вечером приехали мы в *Бинген* где и ночевали. На другое утро переехали мы на лодке чрез Рейн и по знаменитой *Бингенской дыре* и снова мимо мышеловки, в *Ассмансгаузен* известный своими красными винами, коих благородные выходцы пребывают в моем остафьевском погребе. В *Ассмансгаузене* сели мы на ослов, но не без труда и почти не без драки, так сильно было соревнование не между ослиами, но между ослвожатыми о чести иметь нас седоками. Я уже в первый поход свой одсиделся на осле и братски обошелся с ним, но Машенька не тотчас могла *обослатиться*, правда, что и седло ее было неисправно и настоящего вожатого осла ее не было, а с старухою, которая заступила вместо сына должность штальмейстерскую у осла того ладов не было. Но наконец явился настоящий ослводец и все пришло в порядок. Спасибо ослам, можно сказать, что они нас одни и вывезли. Прогулка наша по *Нидервальду* довольно удалась. Небо не было чисто, но по крайней мере не было дождя и Машенька могла получить понятие о картине, которая развивается пред глазами с возвышения *храма* и с высоты называемой *Россек*. Я-же уже ее видел в хорошую погоду в первую поездку свою. Возбравшись на ослах из *Ассмансгаузена* на них-же спустились мы и в Рюдесгейм. Тут пересели мы в ожидавшую нас коляску и по правому берегу Рейна отправились мы в *Бибрих*, где пообедали и осмотрели прекрасный замок Герцога Нассавского. На станции *Гаттерсгейм* где дали лошадям нашим закуску, то есть хлеб с водою, нашел я в трактирщике некоторую аналогию с Байроном. Во первых он хром и вероятно очень обижается своим природным недостатком, что было и с Байроном. Мур приписывает хромоте его и досаде на нее дикость характера его и неприязненное расположение к обществу. Только Байрон дерзко оскорблял законы общежития в отечестве своем, а этот в своем трактире, впрочем тот и другой — часто нараспев. Каждый раз, что трактирщик входил в нашу комнату, или ковылял мимо нас, он отпуская нам под нос громкие рулады — и как другой поет со страха, он пел с досады и с видимым намерением оказать нам пренебрежение. Впрочем ожесточение его против нас вероятно еще и тем усилилось, что в оба посещения наши ему, мы ничего в трактире его не брали. Вечером того дня и все под проливным дождем приехали мы во Франкфурт, а на другой день т[о] е[сть] 12 го числа приехали к обеду в Ганау. Наш поход в Кобленц совершенно вроде эмигрантского, затеян он был не во время и совершен неудачно. Дома также ожидало нас неприятное впечатление. Пашенька простудилась без нас и более кашляла. По словам Копша простуда эта не имела никакого действия на коренную болезнь ее но все-таки стала поперек выздоровлению и несколько задержала ход его. Ожидаем хорошей погоды, чтобы пуститься в путь. Все у нас к отъезду готово и доктор советует и торопит нас ехать при первой возможности. По собранным сведениям здесь и в Риме от княгини Зенеиды Волконской поедем чрез Минхен и следовательно чрез Тироль. На дороге мешкать не станем, ибо по всем догадкам и наблюдениям зима будет ранняя и суровая. Погода в Петербурге не может быть хуже чем здесь дней уж с пятнадцати. — В именины Пашеньки, т[о] е[сть] 14 (26) го небо подарило ее русским гостинцем — снегом. Во все это время барометр был хуже Гогелевского Начальника отделения: тот, по крайней мере *мог унизиться до всего но до*

подлости никогда, а этот унизился до неимоверной подлости, так и лежал в грязи ничком и теперь с трудом начинает выкарабкиваться из лужи своей. 16 (28) го. Я получил письма посланные чрез пароход и взятые у Грознова ¹⁴, а также и письмо Ваше от 27 го сент[ября] с почтою, но письма Вашего от 15 го сент[ября] посланного по почте не имею. Теперь пишете в Рим адресуя письма в русскую миссию. Сейчас разбирая письма Ваши вижу, что есть одно письмо от 14 го сент[ября], следовательно то самое о котором говорил Андрей Николаевич ¹⁵ в пироскафном письме, ошибившись одним днем. Всего ваших писем по почте три, а с пироскафным четыре. Все-таки мало, Павлуша! Хотя и верю более неисправности почт, нежели твоей. Радуюсь тому, что тебе хорошо у Г[осподи]на Стендера, тем более, что вижу в этом доказательство, что и он тобою доволен. Это служит мне большим утешением в горести быть розно с тобою. Вот опять начнется наша кочевая жизнь, опять полезем с Машенькою на затыжки, а для перемены иногда и на козлы. Жаль мне Гану! Бесцветность его, тишина, однообразие хорошо сливались с полинявшими оттенками духа моего и с чувствами притупевшими для новых впечатлений. Даже и этот поэтический сон, который должен наяву совершиться со мною и перенести меня недели чрез две в Рим, не забирает меня, не подливает ничего хмельного в мою сонную воду. Господи Боже мой, если за год, за четыре месяца тому сказали-бы мне, что я буду в Риме, да я бы опьянел от одной этой мысли, а теперь предо мною уже и бутылка откупоренна и чаша в руках моих, а губы и не шевелятся и не тянутся к ней. Между тем не имею и *утешения* сказать себе, что на меня действует болезнь Пашеньки, что не будь этой тоски на сердце, все расцвело-бы в глазах моих и чувства мои распустились-бы на вольном воздухе и под новыми небесами. Нет я просто отупел, зачерствел, отжил свой век. Какая-то холодная дурь захватила меня как льдом и конец всему. Как солнце лучами своими ни разыграйся на мне, но не растопить ему этого льда, а разве только вытянуть сосульки. Подношу особенно Жуковскому эту *арзамасскую сосульку* и прошу его скушать на мое здоровье. Где Пушкин? у нас здесь служила нам одна немочка, которая несколько похоже на жену его и потому в большой милости у всех нас, и особенно у меня, не смотря на мою ледовитость.

¹⁴ Abbiamo trovato un S. V. Groznov, architetto, ma non siamo certi che parli di questo personaggio.

¹⁵ Accenna alla lettera che Andréj N. Karamzin (1814-1854) scrisse in quei mesi agli zii e ai cugini (cfr. CGALI, fondo 195, m. 1653, f. 4, postilla alla lettera di P. P. Vjázemskij del 17-18 (29-30) ottobre 1834).

VI

m. 4108, ff. 24-25.

Минхен 27 окт[ября] (8 нояб[р]я) 1834.

Мы приехали сюда 23 о[ктября] (4 н[оября]) в пять часов утра, час довольно неблагоприятный и не благоугодный, но дело в том, что мы думали приехать 26 о[ктября] (7 н[оября]) поздно вечером и обочились, вот что значит русская

каreta по горам с немецкими лошадьми, которые вовсе не *горские*, а просто *горькие*. Остановились мы в гостинице *Золотого Оленя*, лучшей в городе, но едва-ли не худшей из всех немецких гостиниц, по крайней мере нам до ныне известных, и на беду нашу битком уже набитой, так что мы должны были кое как цыганским табором расположиться в трех нечистых чуланах с дымящимися печами. Минхен славится, и по справедливости своими изящными зданиями. Художества живут здесь в храмах, но приезжие в хлевах. Таким образом первое впечатление Минхена на нас было самое неблагоприятное. К неудачам нас ожидавшим должно причислить и то, что Гагарина не было в городе и письмо, которым уведомлял я его о нашем приезде не застало его здесь и отправленно было к нему в деревню фельдмаршала Вреде, у которого он гостил. Вчера он возвратился. Теперь мы еще не решились как ехать далее: на долгих-ли, или на медленных, то есть с фурманами, или на почтовых, а между тем собираемся ехать завтра. Погода опять прекрасная и во всю дорогу нам очень благоприятствовала. Несмотря на то, я не очень доволен здоровьем Пашеньки. Кашель ее снова несколько усилился. Тоскую по Гану и был-бы рад возвратиться в мирный свой карантин, хотя Рим и в виду. Озабочен я и мыслью о возвращении моем. Срок приближается, а между тем и половина дела моего еще не сделанна. Прежде трех недель, или около того не будем на месте, надобно же будет недели две и более, чтобы устроиться, то есть устроить своих на житье. Сделайте одолжение, поговорите о том с Сер[геем] Сер[геевичем] Кушниковым ¹ *от себя* для передачи Дм[итрию] Гав[риловичу] Бибикову, к которому буду писать из Рима. Спросите как лучше поступить: писать-ли мне официально к Графу Канкрину ² и просить отсрочки, или дело может и так обойтись. С другой стороны мне известно, что *черная работа* департамента лежит в отсутствии моем на Бибикове. Я ни мало не был-бы в претензии, если назначили-бы второго вице-директора, тем более, что по штату должны быть два вице-директора. Писать мне о том неприлично: это была-бы неуместная выходка великодушия и самоотвержения, похожая на притворство, но клянусь Вам совестью, что говорю без всякого обратного помышления и нашел-бы весьма натуральным и согласным порядком, если так-бы поступлено было. Можете отвечать за меня смело и я прекословить и жаловаться не буду. Объяснитесь за меня в этом смысле с кем следует, и как заблагорассудите, и если что сделаете и что узнаете уведомьте меня, пожалуйста, немедленно в Рим адресуя письма в русскую миссию. Более двух месяцев отсрочки мне вероятно не нужно. Главное *сондировать* в этом, а о прочем сказать можно если-бы стали делать затруднения и представлять, что без вице-директора более обойтись нельзя. (En tout cas il n'est pas nécessaire de compliquer la question, si elle peut se résoudre tout simplement). Минхен прекрасный город, не столько в целом устройстве своем, сколько по многим частям и содержащимся в нем прекрасным зданиям. Царь-художник и царь-поэт (менее стихами, нежели делами) много занимается украшением города и обогащением его памятниками искусств древности и германской старины. Новый дворец уже отстроенный, но еще не отделанный, будет единственный в своем роде. Комнаты прекрасно расписанны и вся живопись представляет картины, коих содержание взято из

¹ S. S. Kušnikòv (1765-1839), senatore, dal 1804 governatore civile di Pietroburgo.

² E. K. Kankrin (1774-1845), conte, dal 1823 ministro delle finanze e diretto superiore di Vjázemskij.

германских новейших поэтов и древней народной поэмы Нибелунген. И мысль прекрасная и исполнение изящное. Везде только и видишь мрамор, золото и живопись. Музеи ваяния (glyptothèque) и живописи (pinacothèque) содержат богатые собрания и последний будет полнейшим памятником германской школы и все это царь строит из своих карманных денег. Город также отчасти способствует и назначил уже одну улицу давно отстроенную в подарок королю, (в день серебряной свадьбы) чтобы дать ему удовольствие сломать до подошвы все дома и украсить ее новыми зданиями на свой вкус. Теперь город несколько похож на залу в которой много богатой мебели и разных драгоценных вещей кое-как и пока расставленных. Все это, вероятно, придет в порядок к золотой свадьбе. Минхен может быть признан приготовительным курсом к Риму. Есть на что посмотреть и чему поучиться. А теперь родство с Афинами еще более утвердит и усилит здешнюю любовь к отношению. Не знаю, что будет из этого греко-баварского союза в политическом отношении, но в художественном он очень к стати. Я видел архитектора *Кленца*³, правую руку короля в поэтическом совете его: он на днях возвратился из Греции и вероятно более всех решил вопрос перенесения столицы греческого царства (совестно сказать *королевства*) в Афины, которые будут застроены и возобновлены по планам его. Разговор его очень занимателен и для немецкого художника жив и полон движения. Особенно-же теперь так и пышет от него греческим солнцем. Не имея лба приятеля нашего Тургенева, который ездил к Вальтеру Скотту не прочитав ни одного романа его и плохо зная по английски, не решился я итти на поклонение к *Шеллингу*⁴ с пустым ртом и отчасти пустою головою. Я не так гляжу в тусклом затмении духа своего, чтобы могло хотеться мне показываться в люди. Потому и мало жалею о том, что здешнее общество еще в разброде по деревням и на охоте. Жалею однако же, что не застал здесь и нашего Лерхенфельда и нашей красавицы *Крюднер*. Обедаю обыкновенно у Гагариных⁵, а вечером бываю у *Тютчева*, который женат на здешней вдовушке⁶. У них собираются члены дипломатического корпуса и кое-кто из здешних жителей. Чайник и две восковые свечи на столе и приятный разговор: вот стихи их маленького салона. Нашли мы здесь и Кутузовых⁷, то есть брата с сестрами. Они проведут зиму в Минхене. Здоровье сестры все в одинаковом положении. Гагарины очень хорошо живут и приветливы к нам по родственному. Они довольно скучают немецким Римом и жалеют о настоящем, к которому так привыкли. В день приезда нашего умер здесь французский посланник *Vaudrenil*⁸, молодой человек тридцати четырех лет. В числе тех, которые могут заступить место его именуют и Лагрене⁹. Это было-бы хорошо для нашей птички, потому что Дармштадт, по общему мнению, наискущнейшая из немецких клеток. Здешняя опера очень хороша. Удалось мне наконец видеть *Robert le Diable*. Прекрасная музыка, не такая шумная и вос-

³ L. von Klenze (1784-1864), architetto di corte dal 1816 al 1864.

⁴ Schelling era un buon amico di Turgénev.

⁵ G. I. Gagàrin e la moglie E. P. Sojmònova (1790-1873).

⁶ Eleonora F. Tjutčeva vedova del diplomatico russo A. Peterson.

⁷ Forse A. P. Goleniščev Kutùzov, padre del poeta Arsénij Arkàd'evič (1848-1913).

⁸ Alfred de Vaudreuil, conte, era stato nominato nel 1833 incaricato d'affari in Baviera.

⁹ V. I. Dubénskaja, chiamata *ptička* (uccellino) aveva sposato L. Lagrené, primo segretario dell'ambasciata francese a Pietroburgo; nel 1834 era destinato alla legazione francese a Darmstadt.

палительная, как музыка de la muette, но не менее увлекательная. Опера содержанием своим не слишком благочестива. В одной сцене например черт стоит пред образом Богоматери и занимает почетное место. Слышны пение и игра органа в церкви. Но впрочем конец дело венчает и все приходит в надлежащий порядок, черта посылает к черту и церковные двери растворяются. Погода здесь такая, что никто не запомнит подобной. Ходим целый день по улицам в одном сюртуке, или фраке как посреди лета. Что делается у Вас? По здешним соображениям Герцог Лейхтенбергский согласится жениться на Доне Марии¹⁰. В ожидании руки дочери Дон Педро принял он шпагу его, которую тот завещал ему и привез сюда некто Bayard¹¹, к великому соблазну и огорчению здешней Загряжской¹², старухи Cetto¹³, отъявленной легитимистки, которая вынести не может, что посланец Дон Педро носит и марает сие чистое и безукоризненное имя. О делах Греции вести все довольно худые. Русский солдат, который держал одною рукою ружье, а другою кивер на молитве, отвечал попу замечающему ему, что он не крестится: да нельзя батюшка, веры то мы грецкой, а артикул у нас немецкой. Тоже и с Грециею. Баварцы между тем мрут там от *беспивия*. Теперь послали туда пивные запасы и с тех пор стало им полегче. Баварцы самый пивопитейный народ, и здешнее пиво славится. С этой стороны я гожусь в баварцы. Я также отяжелел, одурел, как от пивного похмелья. Вы из писем моих, надеюсь, чувствуете как я отекаю мыслями и пальцами: не могу разагнуть их, все скорченно. Если письма мои Вами также туго читаются, что впрочем и быть должно неминуемо, как они мною туго пишутся, то искренно соболезную Вам. Глаза Ваши и внимание закрывать должны порядочно. Простите великодушно и пожалейте. Право мне еще тяжелее, нежели Вам. Вы можете отложить письмо в сторону: я себя отложить не могу и беременен сам собою до тошноты и до несносности. 31 о[ктября] (12 н[оября]). Кашель Пашеньки задержал нас здесь долее нежели хотелось. Теперь он, слава Богу, несколько поутих против прежнего и завтра утром продолжаем свой путь. Не скрою от Вас, что я опять в большом упадке духа. Даже и вера моя в Коппа пошатнулась. Напрасно, кажется, прослал (*sic*) он нас в Рим слишком понадеявшись на твердее основание, которое он положил выздоровлению Пашеньки. Путешествие в эту позднюю пору года не может быть полезно, путь дальний, хорошо если там не придется нам иметь нужду в докторе и можно будет просто продолжать начатое им, но, если случайности дороги, или самой болезни вынудят нас прибегнуть к доктору, то нет сомнения, что все старое лечение будет отложено и верх дном опрокинуто. Как взять на себя и отстаивать заочное руководство не зная не изменилась ли в чем болезнь и сам Копп не переменил ли бы лечение? В Гану светил нам свет, теперь опять входим в тьму, опять идем на удачу. Тоска и страх неведения тяготят душу мою и этот Рим давит меня. Самая дорога уже несносное бремя. Опять тащиться слишком две недели, опять холодные ночлеги, опять обеды на волю Божию, все это и здоровым нехорошо, а с

¹⁰ Doña Maria II da Gloria (1819-1853) dal 1833 regina di Portogallo, sposa nel dicembre 1834 per procura e nel gennaio 1835 di persona Augusto, duca di Leuchtenberg (1810-1835).

¹¹ Forse F. M. Bayard (1768-1836?), conte de la Vingterie; ha lasciato un'opera interessante sulla diplomazia francese.

¹² E. K. Zagryžskaja (1779-1842), influente dama di corte.

¹³ Forse la moglie di A. von Cetto (1756-1847), conte, diplomatico bavarese di origine italiana (de Cettis); aveva sposato Ariane von Zweibrücken (1785-1857).

больною еще хуже, все это и с вольным беззаботным сердцем тяжело, а когда и без того кошки по сердцу скребут, то право никаким видам, никакой природе, никаким чудесам рад не будешь. Ежеминутная пытка, да и только. Так это-то чужие края! говорю я себе, так это-то веселье против коего издают запретительные постановления, чтобы сдуру и с жадности не захлебнулся народ! Ну, признаюсь, есть отчего удерживать и на что кидаться. На беду и то, что мы вовсе писем от Вас не получаем. Вероятно по отъезде нашем пришли они в Гану и отправлены в Рим, но когда до нас дойдут и дойдут-ли? Нечего сказать: плохо, грустно и тяжело, по крайней мере пока, что вперед будет. Теперь простите, милые и сердечные друзья. Обнимаем Вас от всей души, а тебя, мой друг Павлуша, благословляю. Бог с Вами и с нами! Как ни худо, а могло бы быть хуже, следовательно благодарение Богу. Пишите к нам поскорее в Рим. Целую ручки у нежной матери милой двойчатки. Передайте Брею¹⁴ мой минхенский поклон. Лерхенфельд возвратился, но Крюднерши ни увидим.

¹⁴ Camille Hugon de Bray, ciambellano e segretario presso la legazione bavarese a Pietroburgo.

VII

m. 4108, f. 26-29.

Рим 4 (16) д[екабря] 1834.

Мы у пристани, ехать более некуда. Здесь должна совершиться над нами воля провидения. Мы въехали в вечный град 30 н[оября] (12 д[екабря]) часу в четвертом перед обедом. Пашенька довольно хорошо выдержала дорогу от Флоренции до Рима, хотя трамонтана дула на нас почти во все время и трактиры служившие нам прибежищем от нее слывут худыми даже и на итальянский размер. Въехав в Рим на Corso встретили мы Катеньку, Софию и Николиньку и таким образом семейно вошли в покои нас ожидавшие. Кня[гиня] Зенеида с попечительностью сестры, или нежной матери, устроила наше жилище и приготовила все удобства так, что мы были совершенно дома с первого шага и с первой минуты. Следовательно впечатления нашего водворения были благоприятные и благовестительные для будущего. Дай-то Бог. Пашенька еще отдыхает, не принялась за продолжение ганауского лечения и потому сказать еще нечего о ней, ни о действии римского воздуха, которым она пользоваться не начинала, не выезжая еще из дома и потому, чтобы дать ей на покое собраться силами растраченными дорогою и потому что в воздухе есть что-то холодное и несколько суровое, то есть разумеется, говоря по итальянски. Мы нашли, что Катенька очень поправилась и все семейство благополучно здравствует. Не нужно говорить о радости нашей о перемене плана их, которая дает нам семейную жизнь в Риме. Первое мое посещение было им в день приезда нашего и развалинам Колиссея часу в десятом вечера, отправив их на раут к Гурьеву. Мне хотелось видеть в первый раз сей обширный труп древнего Рима при лунном сиянии. Луна и была на небе, или лучше сказать в календаре, но не гостеприимная, не *Карачиольская*.

(Карачиоли говорил, что итальянская луна есть северное солнце), а мутная и сыроватая, или репная, как говорит Пушкин и я не удостоился угощения ее. Сторожа с факелами также не было. Видно ни он, ни луна, не ожидали англичан, обыкновенных гостей своих, а обо мне не подумали. Таким образом аудиенция была дана мне запросто, и я мог только дивиться обширности сей застроенной пустыни. Вчера в полночь от Меццерских взяв с собою Машеньку и Софию Николаевну поехал я опять в Колиссеи в надежде луны и факелов, но попытка была опять неудачная. Луна только дразнила нас из простокваши облаков, а развалин не освещала, а Custode опять пошел спать. Мы побродили с час по обломкам под конвоем папских солдат и при свете салного огарка, и я возвратился домой не получив еще раз полного впечатления. На другой день приезда под чичеронством Софии Николаевны был я в храме св[ятого] Петра от подошвы до маковки. Что сказать Вам о нем? Да ничего. Оно короче и яснее. Дело в том, что не будь он на краю города, я желал-бы заходить в него каждый день. Не потому что он мне более всего нравился, я еще не знаю того, но чувствую необходимость *обжиться* с ним и в нем, чтобы иметь о нем понятие, не только чувство. Вообще мир искусства есть особенный мир с своими стилями, с своим климатом, с своею атмосферою: пока они не проникли во все поры, не растворили организма, ты все пребываешь посторонним и чужим. Красоты природы имеют для всех общий язык, каждому понятный, язык простого чувства (потому и предпочитаю их красотам искусства (*кроме музыки*), но красоты искусства таинства в которые нужно быть посвящену, не только промыслом, но и временем и прилежным служением. Оттого и боюсь не успеть созреть и уехать отсюда не постриженным. Сегодня едем в Ватикан знакомиться с статуями при свете факелов и под предводительством Торвальдсена. — Пишу к Вам у открытого окна, чтобы согреться, хотя и день не теплый, но все-таки на дворе теплее, нежели в комнате моей, в которой нет ни печи, ни камина. Вечером ставлю жаровню перед тем, чтобы лечь спать, а там зажигаю свечу и закурываю сигарку. Таким образом затопив баню свою говорю: пар костей не ломит. У Вас, я думаю, при мысли об этом паре мороз по коже подирает за меня, тем более, что мороз у Вас не за плечами. Вчера лазил я на Капитолий и был у Госпожи Летиции: две исторические развалины, та и другая пережила не только себя, но и потомство свое. Или не признавать новейшей истории, или должно согласиться, что Госпожа Летиция одна из замечательнейших древностей нынешнего Рима. Это живая волчица, которая вскормила Ромула и многих Ремов: один из них, Jérôme был моим водителем к ней. Странно было слышать слово Матап и думать, что эта Матап мать Наполеона, который в гробнице своей св. Елены спит за тридевять земель и за тридевять веков от нас. Вот что топит и разогревает Рим: таких подтопок нигде не найдешь и нигде не были-бы они на своем месте. Летиция худошавая, слепая, желтая, безногая женщина и худо говорит по французски, хотя и могла бы натереть в школе французской империи. Но видно она догадывалась, что не стоит того научиться и не надолго далась ей французская грамота. Разговор наш был не исторический, но надеюсь, что в другой раз удастся мне повить с волчицею. Виноват, два раза, приветствуя и прощаясь, поцаловал ее сухую лапу. Хотелось отведать, что за вкус. — Рядом со мною в нашем доме знаменитый *Стендаль*. С виду толстый прикащик. Я еще не познакомился с ним, но хочу заострить французский мадригал и задрать его. 5 (17)го Вчерашнее посещение наше в Ватикане было

точно нашествие варваров. Более двадцати пяти русских нахлынуло на святыню юга. Швейцарская стража готовилась к отпору и насилу впустили нас, потому что позволение дано было на меньшее число посетителей. Мы обежали на скорую ногу это мраморное народонаселение, живоноснейший квартал Рима. Тут обитает мужественный возраст вечного града: в других кварталах возраст ребяческий и ветхий, разумеется за исключением разбросанных здесь и там великих мумий древности забальзамированных славою и религиею истории, которые также живут нетленною жизнью. Только на минуту останавливали нас пред аристократическими именами этого народонаселения. Худой способ для изучения народа. Нужно обозреть все степени общества, чтобы хорошо понять вышины его. К тому-же и смотреть должно не так, как мы смотрели, из среды кочевого *раута* нашего. Мы выходили так сказать стена на стену, русский раут на мраморный раут. Да и *стеновод* наш, знаменитый здешний *Висконти* был по крайней мере для меня, настоящий душегубец. Французский болтун с итальянской декламациею. Он ничего не объяснял, ни с кем не знакомил, а только трещал в ушах и не давал смотреть своими глазами. Гораздо было-бы лучше сдуру пялить глаза и просто ротозейте нежели таким образом шурить и ломать глаза по команде. Потому и не ждите от меня отчета в новом знакомстве. На первый раз скажу только, что Бельведерский Аполлон не свел меня с ума, может быть именно оттого, что *Висконти* и *tutti quanti* командовали по преданию и кстати бы: *в обморок!* и что Аполлона показывают с шарлатанством *et pour la bonne bouche* на закуску. Конечно правильно, красиво, стройно, божественно, но без выражения, то есть человеческого, бесстрастно. Это не бог поэзии, разве дидактической поэзии, бог de l'art roétique de Voileau, бог тераменовского рассказа. Говорят: какое согласие, благородство, убеждение в своей силе, в своей божественности! Согласен, но мне какое до того дело? На здоровье ему, что он бог и чувствует себя богом. Я не бог и следовательно сочувствовать ему не могу. Бог христианства доступен понятиям и нервам моим потому, что он любил и страдал человечески. Оттого и лучше понимаю я беседу с учениками, распятие, нежели вознесение, лучше понимаю, или правильнее лучше чувствую Бога сына, нежели Бога отца и святого духа. Да и что за мудрость дать мрамору величество и самонадеянность, благородство осанки и олимпийскую фешенебельность. *Le marbre est nommé le bois dont on fait les Dieux.* Но заставьте мрамор быть человеком, двигаться человечески, плакать, радоваться, стонать, размышлять, чувствовать, бороться самому с собою духовно, или сам-друг рукопашно, вот это дело другое. Тут художник создатель, жизнедавец. А этот Аполлон ни с места, *il fait la belle jambe* и только! Мы с Катенькою за него поссорились. Она готова с ним перемигиваться и *относится* к нему забывая священные обязанности супружества. Худой пример и для Сонюшки, которая готова *сесть на него верхом, c'est tout dire.* Я уверяю Катеньку, что Аполлон нравится ей, потому что он стройный мужчина: мне же именно потому, может быть, он и не нравится. *Je n'aime pas les beaux hommes. Je ne les comprends pas.* Наденьте на Аполлона кавалергардский мундир с лосинными панталонами и поставьте его на часы во внутренний караул и прекрасно! Но не говорите мне, что это бог Омира, Софокля, Державина Байрона. В них нет ничего общего. Повторяю, если быть ему богом поэзии, то разве богом французского александрийского стиха: если хорошенько вслушаться в него, то может статься, услышишь: *oui, c'est Agamemnon, c'est*

ton Roi qui t'éveille,¹ но более ничего. Мне же, кажется, он сквозь зубы промолвил что-то, о крещенском параде: я застегнул грудь свою и сказал: картина, а не человек! и начал сравнивать его с Дантесом², с Моргенштерном³, с Александром Николаевичем Карамзиным и с другими записными красавцами и признался, что он всех их лучше. — А Колизей, луна и факел мне опять в третий раз не удалось. Уж добьюсь я свидания с луною, с этою вековечною кокеткою в ее вековечном будуаре. Впрочем, если и пришлось-бы мне сегодня оставить Рим, то я избежал уже поговорки: был в Риме, а папы не видал! И для меня *le Pape a été plus infailable que la lune*. Я видел его в собрании кардиналов надевающего шляпу на нового кардинала. Как подумаешь, что была эта шляпа во время оно и что она ныне. Тоже, что академические кресла во Франции при отцах наших и что при нас! Прикрытие головы и пристройство — с позволения сказать — задницы к месту, были в свое время европейским событием. Теперь, это дело домашнее, и на *новоязичии* кардинала была только наша братья, англо-русские ротозеи, а Рим и в ус не дул. В антрактах церемонии духовный адвокат читал *докладную записку о причтении к лику блаженных* усопшей сардинской королевы, из дома Бурбонов. После будут производить дело о причтении ее к лику святых. Тогда явится, что престоноародно называют *l'avocat du diable*, а по настоящему *le protecteur de la foi*, который станет оспаривать права ее и опорочивать деяния, представляя что и эта святость с грехом пополам. Тогда суд решит чья сторона взята и подпишет приговор. Папа старичек толстоносый: вот что более поразило меня в наружности его, весьма простой. Впрочем он, говорят, человек добрый и весьма ученый богослов. Несмотря на свои семьдесят лет, бодр и свеж и может быть долголетен, хотя по каким-то каballистическим исчислениям, оправдавшимся прежними примерами, ему не должно дожить до 1835 года. Я был здесь на двух раутах, на двух всемирных соборах, шестого числа у нашего министра, а вчера у нашего петербургского Людольфа. Оба занимают прекрасные дворцы. Наш живет великолепно. Я познакомился с некоторыми членами дипломатического корпуса, между прочими с прусским Бунсенем и австрийским Лютцовым. С римлянами нечего много знакомиться, а римлянки по большей части, худо говорят по французски. Римские рауты как и петербургские: толкотня, мороженое и пустословие. Изумительных красавиц я не видал, или по крайней мере, не разглядел еще в этом сыром бору незнакомых лиц. Наша министерша слывет здесь красавицею: я еще не проникнут этим слухом. С большим удовольствием увидел я здесь петербургское свое *отношение*: Бобо-Потоцкую. Она ведет *художественную* жизнь во всяком отношении: много худа в жизни ее, потому что она часто хворает, и сидит дома занимаясь живописью. Вчера познакомился я с *всеязычным Мезофанти* и разумеется, говорил с ним по русски. Выговором и ужимками и всею наружностью напомнил он мне *Рушковского*, который также был, кажется, многоязычен. Что за мир эта ватиканская библиотека. Три часа битых ходили мы и стояли на холодном мраморном полу, так что застудил я себе ноги и дотерпелся до ужасной колики от которой насилу забла-

¹ Cfr. sopra parte I, capitolo IV.

² G. K. Dantès (1812-1895). Dopo l'uccisione di Pùškin gli fu tolto il grado di ufficiale e dovette lasciare la Russia.

³ Forse il diplomatico svedese Morgenstern, che risiedeva in quegli anni a Pietroburgo e viene citato nel diario di D. Ficquelmont perchè uno sciocco bellimbusto.

говременно убрался я не совершив *ватиканского поношения*. Благо, что Италия откровенная земля в этом отношении: я легко мог-бы внести свою лепту в кучи богатства разбросанные по всем улицам и площадям, но из уважения к русской застенчивой природе своей, я благополучно вошел в первую лавочку и разделался с Ватиканом. — 8 (20) д[екабря]. Спасибо за письма Ваши с Кривцовым и за прежние. Благодарю Бога и Вас за добрые вести и особенно тебя, мой друг Павлуша, за то, что говоришь мне о себе и говорят мне о тебе. Между тем донесу тебе на Пашеньку, что она находит твои русские письма очень глупыми, а французские — утешься — очень милыми и сердится на меня думая, что ты пишешь по русски из угождения мне. Итак разрешаю тебе писать к нам всегда по французски, надеясь, что ты и без того довольно упражняешься в русском языке. Вообще я не доволен, что твои письма слишком отзываются поспешностью и потому небрежны с описками, пропусками. Зачем ждать тебе последней минуты до отправления письма? Пиши исподволь заблаговременно, веди род журнала в своей переписке. Все же можешь ты иметь каждый день двадцать минут свободных для изготовления письма своего. А то так и чувствуешь, что ты пишешь бегом и задыхаешься: малой же ты, слава Богу, не воздушный, а тяжел на подъем, оттого письма твои и сбиваются часто на коровий галоп. — Когда будешь у тетеньки, сходи к Виельгорским и поблагодари их обеих за письма. Отвечать мне им нечего, потому что из писем моих к Вам все узнают они, что узнать можно. Михаилу Виельгорскому дай прочесть это письмо. Жалею, что только в декабре получил письмо его от первого сентября, и потому не мог заблаговременно написать по просьбе его в департамент. Впрочем он возвратился в Петербург в свите императрицы и следовательно нечего было и хлопотать. *О поэзии небес и воздуха Италии* (про которую он пишет) не могу ни спорить с ним ни согласиться. Он счастливец, он увидел Италию в цветущую пору, сердце его рассветало вместе с здоровьем жены, он слышал Lablache и la Malibran. Я вижу Италию зимою, конечно нет трескучей прозы нашей русской зимы, но нет однако же упоения, есть удовольствие сравнения и только, тепло и хорошо заглядывая в календарь, но небеса пока без поэзии, сердце у меня не совершенно спокойно, и всего слышал я только с тех пор, что за границею петербургскую M.elle Carl и петербургскую M.elle Melas. Таким образом я все еще под влиянием домашних впечатлений и не сложил с себя *ветхого человека*. Пока Италия для меня прекрасный музей, но не прекрасная земля. *Ich kenn noch nicht das Land* и уеду до весны, следовательно и не узнаю. Кому дан палац (*sic*), кому два, а кому шиш: это моя доля. — Хорош Жуковский, сердится на меня, что я не пишу к нему, а сам ни слова. Будто я к нему не пишу писавши к Вам? К чему дубликат? Нового ничего не выдумую. А он отчего не пишет, тем более, что и Вы ни слова об нем не говорите. Что делает *хромоногий бес*?⁴ Жалею, что нет его здесь, чтобы водить меня по римским кровлям. Не отвечаю ему надеясь, что он уже в дороге⁵. Простите милые и сердечные друзья. Обнимаю Вас и благословляю тебя от души, друг мой Павлуша. Что это сделалось с Бибиковым. Получил-ли он письмо мое из Флоренции?

⁴ Intende A. I. Turgénev, che era rimasto azzoppato dopo una caduta dalla carrozza.

⁵ Turgénev giunse probabilmente solo in marzo.

VIII

m. 4108, ff. 22-23.

... Проходили жандармы, попы, никто не мешался в это постороннее дело. Площадь обставлена была зрителями, никто не думал унять драку. К стыду своему признаюсь, что и я оставался, если не бесстрастным, то по крайней мере бездейственным зрителем, но не зная языка достаточно, чтобы усювестить и убедить толпу даром слов, мне нужно было-бы объясняться общим ручным и кулачным языком на который отвечали бы мне *мостовым языком*, как Карлу X, и разговор вышел бы неравен. Наконец на место сражения пришла мать несчастного мальчишки, поколотила его несколько со своей стороны и отослала * лекаря . Чтобы образовать понятие свое о римской черни, впрочем и не одной черни, но отчасти и о среднем состоянии, должно изучать ее в детском возрасте. Есть точно что-то дикое в этом племени кочующем на улицах: они, или дерутся, или просят милостыню, или всенародно под крышею неба пакостят памятники, здания, фонтаны, все куда *присесть* можно. В иных местах вездесущность полиции может быть доведена до крайности, но здесь крайность противоположная, и также это зло. А что полиция не мешает публике рядить и судить в театре хоть ей угодно, это мне очень любо. Я был третьего дня при открытии театра после поста: была и новая опера и новая труппа. Надобно было слышать, что за шум подымался при каждой неудачной ноте певца, или певицы. Несколько сот голосов подхватят ошибку и передразнивают ее по своему. Вдруг общий хохот, вдруг общий *ату его!* за то, если вырвется стройная, благозвучная фраза так и задушат ее на лету взрывом общего восторга. И какое это дает понятие о музыкальном чувстве народа. Здесь это не частное выражение нескольких знатоков, за коими толпа хлопает ушами и руками! Нет это повсеместное электрическое движение! Одна мысль, один *ой ой*, один *ах* во всей зале. За то уже как и должны быть обстрелянны здешние актеры: с непривычки можно умереть под залпом негодования. Здесь и глазом не мигнуть. Римский партер отличается своею выразительностью. Славная *Malibran* была сначала освистанна здесь, но после превознесена и препрославлена, и в Болонье с восторга оборвали платье ее на клочки, так что маэстро ее должен был прикрыть ее своим плащом, как дочери Ноя отца своего. На другой день дорогою ценою продавали в городе оторванные лоскутки. Новый Рим перенес в оперу форум предков своих. Тут еще он владычествует и законодательствует, казнит и милует, совершает Капитолийские торжества и тарпейские казни. Представленная опера: Паризина; музыка Доницетти, кажется не очень хороша, впрочем я видел только второй акт. В нем понравился мне один дуэт. *Унгерн* пела часть свою превосходно. В пении ее много драматического чувства и выражения. Голос ее точно плакал иногда. При открытии театра римский губернатор угощает публику своим иждивением. В ложу входят слуги в богатой ливрее с факелами в руках и разносят даром мороженое и разные сласти. Странно нашему брату, видеть прелата в ложе. Еще страннее встречать военного министра в сутане. Петербургское гвардейское народонаселение отвечает здесь разномундирным попам, а в салонах *Monsignori* то, что наши генералы и

* Manca una parola che non è stata decifrata.

флигель-адъютанты. Впрочем по моему мнению здешнее общество есть точно *la campagne désolée de Rome*: так и обдаёт пустынею и унынием развалин. Старожилы говорят, что это действие первого впечатления, но что после когда обживешься, то все это заговорит, пока непонятно, жизнью. Может быть! Но и то правда, что убранство европейского общежития не к лицу Риму и здесь не нужно. У Вас здесь есть открытые дома: Колиссей, Пантеон, храм св. Петра, есть свои праздники: солнечный день, лунная ночь, есть свои говоруны и краснобаи вековечные: разбросанные развалины, есть свои заманчивые красавицы: статуи и картины; есть свои городские вести, дневные сплетни: соблазнительная хроника Неронов, Мариев, а если Вы очень любопытны, то можете по горячим следам добраться до Ромула. Здесь до рождества христового и по рождестве христовом то, что в другой столице: третьего дня и вчера. *Сегодня* есть только слово несколько пустое, а *завтра* не имеет смысла, ибо здесь время не идет а стоит и *завтра* есть *вчера*, помните, не *сегодня*, потому что *сегодня* одна условная математическая точка, не имеющая ни пространства, ни образа. Самый папа, который все-таки еще великое слово, великий знак в настоящем пробеле велик именно сиянием вчерашних лучей. Как здешний небосклон долго и по заходе солнца сохраняет еще яркие, теплые оттенки сгоревшего дня, так и на умственном небосклоне великие события неизменно и по закату своем отражаются еще живо, жарко и многоцветно. Особенно в этом смысле кстати вспомнить слово Карачиоли: здешняя луна есть солнце иногородное. Здешние тени действительнее, осязательнее, воплощенное животрепещущей и дородной сущности *транс тиберианской*, или говоря проще, остального мира. Оттого и папа для меня, с своим прозаическим лицом и толстым носом и несколько актерским одеванием есть явление величественное и разительное. В нем нет ничего грядущего и мало настоящего, нет того что поражает и пробуждает внимание наше в лицеизрении других владык, так сказать беременных судьбою царства и народа своего, но зато сколько слоев минувшего лежит на этом живом острове! Какая обширная тень падает с него, не сияние, это правда, но все-таки много объемлющая. А, если вдруг, чем черт не шутит, расшевелится какойнибудь Наполеон под этим нынешним папским саваном и пойдет вооруженным крестом (какойнибудь Ламене под тиарою) мутить мир, как тот мутил шпагою, то Вы увидите — не дай Бог убедит — что папа еще не умер. Кстати: он и в самом деле не умер, хотя предсказывали смерть его. То-то весело ему было слышать как часы добили двенадцатый час 1834 года, ибо он, разумеется, знал о народной примете, которая оправдалась двумя предместниками его. Сказывают, старика это тревожило, тем более, что он подвержен кружениям головы, а другие говорят и падучей болезни, следовательно и без предисловной болезни смерть могла легко нагрянуть до него до последней минуты. — Я здесь почти никуда не езжу, то есть в большой свет: по следам Тургенева бываю иногда по вечерам у Горация Вернета. Он живой болтун, дочь-невеста очень мила и хорошая музыкантша, мать добрая и почтенная женщина, старик отец Карл Вернет¹, славный создатель лошадей, теперь выезжает на каламбурах.

22 де[кабря] 1834 (3 ян[варя] 1835). Ныне назначен другрой директор французско-римской академии и Вернеты возвращаются во Францию. Оттого

¹ Ch. Vernet (1758-1836), famoso per le tele rappresentanti battaglie.

и дом их расстроился, но прежде он, сказывают, был один из приятнейших в Риме. Я познакомился с Брюловым возвратившимся из Болоньи, где он списывает картины для государя. Мы заключили с ним вчера договор: я должен написать ему стихи, а он напишет мне картину. — Вот Вам отчет во всем прочем. О главном сказать нечего хорошего. Пашеньке лучше нежели во Флоренции, но все еще хуже нежели в Ганау. Она начала пить ослиное молоко. Нынешняя зима не римская, — по крайней мере была пока не римская, следовательно главное средство лечения: воздух, было еще недействительно. Обнимаю Вас всех и благословляю Павлушу от души. Бог с Вами и с нами. Что скажет нам 1835 год?

IX

m. 4108, ff. 11-12

Рим 14 (26) ян[варя] 1835.

Поздравляю тебя, любезный друг Павел, с повышением твоим в шестой класс. Мы, кажется, с тобою теперь сравнялись. И я чуть-ли не чиновник шестого класса. По крайней мере, Александр Ефимович Измайлов¹ наверно был этого класса. Стало быть честолюбие твое может возрадоваться. Еще более поздравляю тебя с тем, что совершенный тобою подвиг стоил тебе труда, как ты описываешь. Труд твой более меня радует нежели самое возвышение. Это полезный перелом в твоём умственном сложении, который надеюсь пойдет в прок тебе. Только смотри, не отдыхай на лаврах своих и трудись более и более. Дело не в том, что ты лишний год останешься в училище и будешь повторять два года одно и то же: это меня не пугает. Напротив по моему лучше было бы просидеть долее на одном, потому что не все-же выученное тобою в один год так уже вросло в тебя, что повторение старого ничего не прибавит тебе: но главное в том, что ты должен был вон из кожи лезть, а для тебя оно очень хорошо, ты слишком залежался в коже своей, нужно было встряхнуть ее не много. Виноват, а я все не очень верю большим твоим успехам в немецком языке, то есть достаточным и советую тебе как можно более и прилежнее упражняться в нем. Но однако же и не слишком обнемчурься и совершенствуй себя в русском языке. Не знаю от небрежности-ли, или от неведения, волею, или неволею, но в твоих русских письмах встречаются непростительные неисправности. Извините меня, лавроносный победитель шестого класса, что я осмеливаюсь укорительным голосом тревожить Вас в упоении заслуженного торжества. Но таков, сказывают мне, был обычай в Риме: за колесницею победителя посреди кликов благодарной толпы раздавалось всегда несколько голосов, которые должны были напомнить победителю, что и он человек. Зато в награду подвигов твоих порадую тебя доброю вестью. Пашеньке по лучше. Эти три последние недели она очень беспокоила нас. Надеюсь, что теплый, благорастворенный воздух, который нас окружает,

¹ Forse A. E. Izmajlov (1779-1831), prosatore e autore di favole.

что солнце, которое так празднично, так светло воскресно светит нам с неба голубизны невыразимой и весна, которая здесь не за горами, а за плечами, дадут установиться ее нынешнему хорошему расположению. В надежде на милость Божию и римского неба помышляю об отъезде своем. Не знаю еще какой путь избрать западный, или восточный. Секретарь здешнего посольства Фурман переведенный в Царьград советником, предлагает мне отправиться с ним морем. Оно и гораздо дешевле и может быть скорее. Этот путь меня очень соблазняет. Весело перескочить из одного Царьграда в другой, но пугает меня одесский карантин. На всякий случай пишу сегодня к Д. Г. Бибикову² и прошу его, сделать что можно в пользу сокращения чистилища моего. Поговорите и Вы, любезные друзья, с Д. Н. Блудовым³, только если милость будет нужно поспешить предписанием в Одессу, потому что когда письмо мое дойдет до Вас, я уже, может быть, буду на море. Следовательно медлить нечего. И Вы во всяком случае пишите мне уже в Одессу. Весело мне будет обнять тебя, мой милый Павлуша и Вас, любезнейшие друзья; но куда тяжело будет расставаться с здешними. Не говорю уже о том, что оставлю Рим и Италию не познакомившись с ними, что не увижу Неаполя, который в трех часах от меня. Вот что значит служба! Право не многие приносили ей такую жертву как я. И я Регул в малом масштабе, право Регульчик хоть куда! Одна надежда моя впереди, что Бог сжалится надо мною, войдет в мое горестное положение и отпустит меня с того света доглядеть то, что ныне у меня сквозь глаза прошло. А уж в здешней жизни видно не иметь мне удачи. Дожить до моих лет сиднем, там вдруг переехать Европу из одного края на другой и все таки ничего не видать, ни до чего так сказать не дотронуться, это уже чересчур оскорбительно и судьба во зло употребила власть, которая дана ей, смеяться над людьми. Если мне написать путешествие свое, то оно в самом деле может быть очень замечательно и оригинально исчислением всего того, что я не видал. Назову книгу мою: *промахи моего путешествия*, а эпитафией выберу: *по усам текло, а в рот не попало*. 27 (15) го. Поздравляю тебя с нашею тринадцатилетнею Надеждою. Мы ее праздновали сегодня вечером шарадами в действии. Я представлял старуху и, сказывают, был очень недурен, так что она и вся домашняя публика наша остались мною чрезвычайно довольны. Машенька продержала меня вчера на бале у австрийского посла до пятого часа утра. Я никого не знаю и никого знать не хочу, брожу как тень бесприютная в этой итальянской дичи и в этом мачтовом лесе англичан и англичанок, которые завладели Римом и молчу так, что язык присохнет. Хорош был-бы Рим, если очистить его от римлян и англичанок, а от них густеет благорастворенный воздух и коптится голубое небо. Вчера один из этих англичан подошел к хозяину Графу Лютцову и требовок от него кавалера для дочери своей, а Г[раф] Лютцов ни его, ни ее не знал. Умора видеть, как эти заморские чудаки ходят взад и вперед по залам под ручку попарно. Римлян в обществе почти вовсе не видать: их можно счесть единицами, а англичан дюжинами, с тринадцатым в придачу даром. Вообще нет ничего скучнее и бесплоднее римских гостиных, по крайней мере для меня. Конечно и моя скука действует тут в свою меру, но и при хорошем расположении духа нашел бы я тоже. Нет никакой жизни, никакой общей связи, нет ни внутренней теплоты, ни наружного блеска, разговора никакого, даже и о впечатлениях неба, искусств, драгоценностей древ-

² D. G. Bibikov 1792-1870), direttore del dipartimento di commercio estero.

³ D. N. Bludov (1785-1864), alto funzionario governativo; fu nel 1834 ministro degli interni.

ности, потому что Рим именно тем чем он Рим для римлян не существует, так глубоко их невежество и усыпление, а солнце нужно им только как грелка, чтобы заменить жаровни, которыми они отапливают комнаты. Сбережение угольев и только. Феб для них не бог света, а дешевый источник. Правда, что солнце могло и приглядеться им и чувство наслаждения притупить. Впрочем полагаю, что это ничтожество господствует только в высшем классе, но в *mezko seto*, то есть в верхнем среднем состоянии есть более движений умственной жизни, сколько удалось мне заметить, по крайней мере более общежития и веселости, коей отсутствие в вершинах общества не есть признак какой нибудь зрелости, или *крепкой думы*, а просто тупости. На них нашел столбняк и только. И Михел-Анджелова статуя нема и неподвижна, но ей сочувствуешь, как ни гляди на болван ничего не придумаешь за него и разве сам оболванишься. Обнимаю и благословляю тебя, от души, мой друг Павлуша. Обними всех за меня и за нас. Пашенька написала к тебе длинное письмо, которое отправится с следующей почтой ⁴.

⁴ Questa lettera di Pàšen'ka è conservata nel m. 4107.

X

m. 4108, ff. 13-15.

Рим 21 фев[раля] (5 марта) 1835.

Сегодня милый друг мой Павлуша, день рождения нашей бедной Пашеньки. Ей минуло восемнадцать лет. Поздравления неуместны потому что нечего сказать хорошего о здравии нашей милой страдальцы. Остается нам только молиться за нее, а еще более за нас, чтобы Бог подкрепил силы наши и утвердил души наши в вере и в безропотной покорности к его святой воле. Мы давно без письма от тебя. Сделай милость не ленись, во-первых ради нас а во-вторых ради себя. Совесть твоя не может быть покойна, если будешь лениться писать к нам. Зная, что ты нежно любишь нас я уверен, что ты должен дорожить этою обязанностью и отрадою, следовательно виновата тут одна беззаботливость, которую ты должен держать в руках, не предаваясь ей. Ты вероятно знаешь от Жуковского, что по милости государя имею позволение прождать еще на некоторое время пребывание мое за границею. Грустно мне отдалить свидание мое с тобою, но еще грустнее было-бы расстаться с Пашенькою в настоящем ее положении. Надеюсь за тебя на милость Божию, надеюсь что будешь здоров и употребишь время разлуки нашей с пользою для себя и к удовольствию моему. Жуковский писал мне, что тобою довольны и ты поймешь как отрадна для нас такая весть и как нужна нам подобная отрада в грусти нашей быть розно с тобою и видеть болезнь сестры твоей. — Со вчерашнего дня Рим утих после безумного и бешеного карнавала. Надобно быть самому в этом вихре, в этом извержении римской веселости, чтобы иметь понятие о нем. Вообрази себе все народонаселение, которое обьелось дурману, с утра нарядится в шутовское платье, нахлынет в одну улицу,

скачет, воеет, ревет, визжит, кидает шарики из печеной муки и таким образом проводит целую неделю. Нельзя выйти на улицу без маски вроде тех, которые употребляют в фехтовании, потому что прохожие, проезжающие, сидячие с мостовой, из карет, из окошек, с балконов так закидают этими конфетами, что избьют лицо, и того смотри, ослепят, или окривят особенно, когда носишь очки. Даже и бедная Пашенька принуждена была прикрываться забралом, когда ехав кататься за город попадала она невольно под эту перекрестную картечь. И это бешенство обхватывает не одну чернь: все разряды общества, мужчины и дамы, старые и малые, все настроены на один лад, у всех одна мысль, у всех одно движение закидать встречного и поперечного. С непривычки сердисься сначала, не понимая по какому праву в такой-то день каждый мальчишка, каждый незнакомец может позволить себе подбежать к тебе прямо под нос и кинуть в лицо целую горсть какой-то дряни, так, что не пройдешь ста шагов и очутишься настоящим мельником, шляпа, платье, коляска, все в муке. Но вскоре однако же так обстрелят тебя, что и заранет (*sic*), кажется даже, что иначе и быть не может. Признаюсь я не был увлечен этим потоком, вероятно от расположения духа который не был настроен на веселость, но глядя на других понимаю, что в этой веселости есть что-то заразительное, и чужестранцы не хуже коренных римлян приходили в бешенство после второго, или третьего приема. Например надобно было видеть Мещерского, он как угорелый бегал по улице с корзиною этих *confetti* под рукою и кидал во все стороны. Об англичанах и говорить нечего. Многие из них за тем в Рим приезжают. Но в самом деле зрелище любопытное и удивительное. Подобное трезвое пьянство целого народа ни с чем сравниться не может, и точно трезвое, потому что ни одного пьяного в толпе не найдешь. Весь этот шум, вся эта буря обходится без малейшего постороннего шума, без малейшей драки. Полиции нечего слова молвить. Выпадет пушка вставая пред бегом лошадей и все кареты разъедутся и очистят улицу. Эскадрон папской кавалерии пронесется по улице раз на рысях, другой вскачь и поток народа разлившись по обеим сторонам улицы ждет бега лошадей. Вдруг мостовая зазвучит под копытами табуна лошадей обвешенных позвонками, подстрелаемых иглами, горящим трупом, народ приветствует радостными и торжественными кликами передовую лошадь, которая на другом конце улицы должна одержать победу, обшикает, заушает запоздавших лошадей и десять минут спустя на улице уж нет следов *белой горячки*, точно *белой*, которая тут бушевала. В продолжении дня карнавал еще проказничает, но это уж не римский карнавал, это наши святки, это веселость, которую вы уже встречали, которую можете встретить вне Рима, но то, что происходит в Риме от третьего до шестого часа того не поймете вы и воображением, того не постигнул бы и Данте, если вместо Ада захотел он создать желтый дом. Более всего замечательно здесь общая детская, так сказать *животная*, веселость, которая в назначенный день, в назначенный час и до какого-то часа обдаёт угаром все народонаселение города. В этой веселости нет ничего замысловатого, нет никакой задней мысли: просто народ взбесится как бесятся дети и жеребята. В масках нет почти никогда карикатуры на общество, на нравы, не говоря уже о политических намеках, которые здесь не были-бы позволнены. Рим в такой-то час наряжается в шутовское платье, запасается мучными конфетами и идет на часы, как солдат на свою стойку. Часы выстоены и дело с концом. Замечательно также и добродушие народа и добросовестность его в этом случае,

особенно-же когда подумаешь, что этот народ раскален южным солнцем, что в жилах его кровь клокочет кипятком, что руки его срослись с стилетами, что он порою тигр, что предки его на самом том-же месте любовались потешным зрелищем рукопашного боя мучеников с кровожадными зверями: тут-же этот народ разнуданный, как только можно, которому стоило-бы захотеть и поставить верх дном вековечный Рим со всеми его вековечностями, он невинно дурачится себе, прыгает как школьник выбежавший из класса, брыкается и ржет как жеребенок выпущенный на луг из конюшни. Зрелище народа в залах зимнего дворца в первый день января, конечно очень любопытно, стройностью, или лучше сказать неподвижностью своею: но тут вы видите Каспийское море, которое затянуло льдом и объясняете себе сей феномен законами природы и местоположением. Здесь напротив это поток кипящей лавы, которая предписала себе границы, которая могла-бы затопить всю страну и вместо того ребячески забавляется тем, что вспыскивает платя прохожих и пачкает лица их. В доказательство, что все это делается чинно и как будто должное, следует прибавить к этой картине церемониальный проезд прелата-губернатора римского и единственного римского сенатора в парадных каретах сквозь эту шутовскую толпу и за ними французского посла, который один из всего дипломатического корпуса пользуется правом проехаться в мундире рядом с арлекинами и другими скоморохами всех цветов и всех покровов. Но вся эта мучная *белая горячка* ничего в сравнении с последними часами карнавала, когда вечером жирного вторника разыграется, разгорится *огненная горячка*, так называемых *moscoletti*. Когда все обойдется порядком своим мучная перестрелка, беготня, визг, вой масок, скачка лошадей для последнего дня наддано еще два часа бешенства. В одну минуту вся улица Corso вроде нашей Невской Перспективы, но уже ее и битком набитая народом и экипажами вдруг загорится мириадами мириад грошевых свечек. Окошки, балконы, пешие, конные, коляски, кареты все это одни и те же подсвечники, а вместе с тем и гасильники, потому что все зажигается и все тушит друг у друга. На длинных шестах навязанны длинные тряпки, чтобы со второго этажа задувать свечи на улице и с улицы на балконах и в окнах второго этажа. Как нет никакой степени сравнения между порывами иногородной веселости и извержениями римской карнавальской веселости, так и здесь нет сравнения между бешенством прежних дней и напряжением этого бешенства в последние часы его пароксизма. Там бесились люди, а здесь бесятся черти. По улице народ кидается на лошадей, на коляски, чтобы задуть свечки, вырвать из рук, и как скоро задует кругом раздастся* в тысячу голосов вой: *senza moscolo! senza moscolo!* указывают на вас пальцами, дразнят вас разными рожами. Вся эта веселость сосредоточенна в одном движении и в одном крике: задуть свечу и зареветь *senza moscolo*, но надобно видеть и слышать с каким упоением, с какими переливами в движении и в голосе разнобразить они эту однообразную веселость. И зрелище прекрасное! огненный поток, который зыблется в воздухе бесперерывными струями! всенародная, под открытым небом, движущаяся, безумная всеночная! Надобно удивляться и добронравию римских лошадей, так дышлом и прорезывают сей поток, так люди и кидаются на лошадей и под лошадей и нет ни одной беды. Мы проехали с Мещерскими всю улицу в коляске, я на козлах с кучером неподвижный зритель, они, т[о] е[сть] Катенька и София в коляске с Давыдовыми действующими, оборонительными и иногда наступательными лицами, так из рук у них и вы-

скачет, воеет, ревет, визжит, кидает шарики из печеной муки и таким образом проводит целую неделю. Нельзя выйти на улицу без маски вроде тех, которые употребляют в фехтовании, потому что прохожие, проезжающие, сидячие с мостовой, из карет, из окошек, с балконов так закидают этими конфетами, что избьют лицо, и того смотри, ослепят, или окривят особенно, когда носишь очки. Даже и бедная Пашенька принуждена была прикрываться забралом, когда ехав кататься за город попадала она невольно под эту перекрестную картечь. И это бешенство обхватывает не одну чернь: все разряды общества, мужчины и дамы, старые и малые, все настроены на один лад, у всех одна мысль, у всех одно движение закидать встречного и поперечного. С непривычки сердисься сначала, не понимая по какому праву в такой-то день каждый мальчишка, каждый незнакомец может позволить себе подбежать к тебе прямо под нос и кинуть в лицо целую горсть какой-то дряни, так, что не пройдешь ста шагов и очутишься настоящим мельником, шляпа, платье, коляска, все в муке. Но вскоре однако же так обстрелят тебя, что и заранет (*sic*), кажется даже, что иначе и быть не может. Признаюсь я не был увлечен этим потоком, вероятно от расположения духа который не был настроен на веселость, но глядя на других понимаю, что в этой веселости есть что-то заразительное, и чужестранцы не хуже коренных римлян приходили в бешенство после второго, или третьего приема. Например надобно было видеть Мещерского, он как угорелый бегал по улице с корзиною этих *confetti* под рукою и кидал во все стороны. Об англичанах и говорить нечего. Многие из них за тем в Рим приезжают. Но в самом деле зрелище любопытное и удивительное. Подобное трезвое пьянство целого народа ни с чем сравниться не может, и точно трезвое, потому что ни одного пьяного в толпе не найдешь. Весь этот шум, вся эта буря обходится без малейшего постороннего шума, без малейшей драки. Полиции нечего слова молвить. Выпадет пушка вставая пред бегом лошадей и все кареты разъедутся и очистят улицу. Эскадрон папской кавалерии пронесется по улице раз на рысях, другой вскачь и поток народа разлившись по обеим сторонам улицы ждет бега лошадей. Вдруг мостовая зазвучит под копытами табуна лошадей обвешенных позвонками, подстрелаемых иглами, горящим трупом, народ приветствует радостными и торжественными кликами передовую лошадь, которая на другом конце улицы должна одержать победу, обшикает, заушает запоздавших лошадей и десять минут спустя на улице уж нет следов *белой горячки*, точно *белой*, которая тут бушевала. В продолжении дня карнавал еще проказничает, но это уж не римский карнавал, это наши святки, это веселость, которую вы уже встречали, которую можете встретить вне Рима, но то, что происходит в Риме от третьего до шестого часа того не поймете вы и воображением, того не постигнул бы и Данте, если вместо Ада захотел он создать желтый дом. Более всего замечательно здесь общая детская, так сказать *животная*, веселость, которая в назначенный день, в назначенный час и до какого-то часа обдаёт угаром все народонаселение города. В этой веселости нет ничего замысловатого, нет никакой задней мысли: просто народ взбесится как бесятся дети и жеребята. В масках нет почти никогда карикатуры на общество, на нравы, не говоря уже о политических намеках, которые здесь не были-бы позволнены. Рим в такой-то час наряжается в шутовское платье, запасается мучными конфетами и идет на часы, как солдат на свою стойку. Часы выстоены и дело с концом. Замечательно также и добродушие народа и добросовестность его в этом случае,

особенно-же когда подумаешь, что этот народ раскален южным солнцем, что в жилах его кровь клокочет кипятком, что руки его срослись с стилетами, что он порою тигр, что предки его на самом том-же месте любовались потешным зрелищем рукопашного боя мучеников с кровожадными зверями: тут-же этот народ разнuzданный, как только можно, которому стоило-бы захотеть и поставить верх дном вековечный Рим со всеми его вековечностями, он невинно дурачится себе, прыгает как школьник выбежавший из класса, брыкается и ржет как жеребенок выпущенный на луг из конюшни. Зрелище народа в залах зимнего дворца в первый день января, конечно очень любопытно, стройностью, или лучше сказать неподвижностью своею: но тут вы видите Каспийское море, которое затянуло льдом и объясняете себе сей феномен законами природы и местоположением. Здесь напротив это поток кипящей лавы, которая предписала себе границы, которая могла-бы затопить всю страну и вместо того ребячески забавляется тем, что вспыскивает платя прохожих и пачкает лица их. В доказательство, что все это делается чинно и как будто должное, следует прибавить к этой картине церемониальный проезд прелата-губернатора римского и единственного римского сенатора в парадных каретах сквозь эту шутовскую толпу и за ними французского посла, который один изо всего дипломатического корпуса пользуется правом проехаться в мундире рядом с арлекинами и другими скоморохами всех цветов и всех покровов. Но вся эта мучная *белая горячка* ничего в сравнении с последними часами карнавала, когда вечером жирного вторника разыграется, разгорится *огненная горячка*, так называемых *moscoletti*. Когда все обойдется порядком своим мучная перестрелка, беготня, визг, вой масок, скачка лошадей для последнего дня наддано еще два часа бешенства. В одну минуту вся улица Corso вроде нашей Невской Перспективы, но уже ее и битком набитая народом и экипажами вдруг загорится мириадами мириад грошевых свечек. Окошки, балконы, пешие, конные, коляски, кареты все это одни и те же подсвечники, а вместе с тем и гасильники, потому что все зажигается и все тушит друг у друга. На длинных шестах навязанны длинные тряпки, чтобы со второго этажа задувать свечки на улице и с улицы на балконах и в окнах второго этажа. Как нет никакой степени сравнения между порывами иногородной веселости и извержениями римской карнавальской веселости, так и здесь нет сравнения между бешеными прежних дней и напряжением этого бешенства в последние часы его пароксизма. Там бесились люди, а здесь бесятся черти. По улице народ кидается на лошадей, на коляски, чтобы задуть свечки, вырвать из рук, и как скоро задует кругом раздастся* в тысячу голосов вой: *senza moscolo! senza moscolo!* указывают на вас пальцами, дразнят вас разными рожами. Вся эта веселость сосредоточенна в одном движении и в одном крике: задуть свечу и зареветь *senza moscolo*, но надобно видеть и слышать с каким упоением, с какими переливами в движении и в голосе разнобразовать они эту однообразную веселость. И зрелище прекрасное! огненный поток, который зыблется в воздухе непрерывными струями! всенародная, под открытым небом, движущаяся, безумная всеобщая! Надобно удивляться и добронравно римских лошадей, так дышлом и прорезывают сей поток, так люди и кидаются на лошадей и под лошадей и нет ни одной беды. Мы проехали с Мещерскими всю улицу в коляске, я на козлах с кучером неподвижный зритель, они, т[о] е[сть] Катенька и София в коляске с Давыдовыми действующими, оборнительными и иногда наступательными лицами, так из рук у них и вы-

рывали вскакивая на подножки, на запятки, свечки, платки, коими задували они свечки у прохожих, не дотрагиваясь до других вещей, которые не входили в состав войны за moscoletti. Вздумалось-бы народу и он мог-бы ограбить всех, которые имели только что нибудь на себе. Но нет, я уверен, что ничего постороннего не было тут похищено. Есть-же воры в Риме, конечно есть, но общее римское чувство так сильно в эту минуту, что и воры и душегубцы, которые тут случатся только о том и думают как-бы задуть более свечек, говоря: *Les affaires sérieuses à demain*. Из рапорта поданного губернатора известно, что ни одно несчастье, ни один беспорядок подлежащий полицейской расправе не случился в эту суматоху. Отправив карнавал караван англичан и русских начал тянуться в Неаполь. Мещерские также едут на днях. Грустно, а делать нечего. Между тем на дворе месяц март, худший месяц в году непостоянством погоды и самый опасный для болезни Пашеньки. Прости, я победил тоску свою, чтобы описать тебе карнавал. Обнимаю и благословляю тебя от всей души. Бог с тобою и с нами! Обними за меня теньку, братцев и сестрицу. *Faites bien mes compliments à M.r Stender et remerciez le de ma part des soins qu'il a pour vous.* 23 ф[евраля] 7 м[арта]. Машенька и сестры нежно тебя обнимают. Они писали к тебе кажется на прошедшей неделе ¹.

¹ Segue una postilla di Vera Fëdorovna.

XI

м. 4108, ф. 17-18.

Рим (16) 28 марта 1835.

Все кончено, друг мой Павлуша. Наша незабвенная Пашенька кончила страдальческую жизнь свою 11 (23) мар[та] в девять часов вечера. Не за нее плакать должны мы, но за себя. Оставив свет она не многое потеряла, но мы остающиеся сделали потерю невозвратную, ничем незаменимую. Не говорю уже о нас, то есть обо мне и матери твоей, но и вы, для которых жизнь еще начинается, вы в сестре лишились навсегда друга надежного который был бы вам полезен и благодетелен во всех случаях и во всех обстоятельствах жизни вашей. Она вас так нежно, так заботливо любила. Зрелость рассудка ее, верность чувства, готовность забывать себя всегда за других, которая не изменилась в ней и в болезни ее, сохранилась в ней до последнего дня страданий ее были порукою того, чем была-бы она для нас, а в особенности для вас. Больно мне, милый друг, что мы не с тобою и не можем плакать вместе. Помню слезы наши в Петербурге, когда мы получали с тобою худые вести из Москвы и понимаю, как тебе должно быть теперь тяжело и горестно. Карамзины заменят нас на это время при тебе и разделят грусть твою. Мы скрывали от тебя положение Пашеньки, но она уже давно подавала мало надежды на выздоровление, а доктора уже и совсем отчаивались в ней. Она-же не имела никакого опасения до последней минуты и была совершенно спокойна духом.

Фиропенци 12 апр 1855.
24

А спитане мога днарокунгпа сеодне урпонаде
 г раче, ет добарне ево дна сепон - ораде де дого.
 ет, нате бо бча брета тандун ите колече бече
 де долде нате во манд-тара - оца Фире дна орпа.
 давил типе: орачунгпа - дудило - дудилон - дудилон - дудилон.
 Фире ет мопне дн мте дранде и ве'сепунде. Но са
 пунче и сако ет сама дедон тана мунгпа тана тана
 нте-те и ве танд - нате дте дте, нате дте дте ет нате
 урпаче и ботрачунгпа ет нате и сама - те сама
 ет нате нате ет нате ет нате ет нате ет нате ет нате
 и ве танд и нате танд - нате и нате нате ет нате.
 доктре, нате доктре, нате доктре - нате доктре ет нате
 ет нате и нате нате нате - нате ет нате нате нате.
 нате и нате доктре нате нате нате и доктре нате
 нате нате и нате нате нате доктре и нате
 ет нате нате нате нате ет нате, и сама
 ет нате. - и нате нате нате нате нате.
 нате нате нате нате, ет нате нате нате нате
 нате. нате нате нате нате нате нате нате нате
 нате нате нате нате нате нате нате нате
 - нате нате нате нате нате нате нате нате.
 Сеодне орпаче ет. Нате нате нате
 нате нате нате нате нате нате нате нате.
 нате. нате нате нате нате нате нате нате
 нате нате нате нате нате нате нате нате.

Lettera di P. A. Vjazemskij del 12 (24) aprile 1855 da Firenze alla moglie Vera Fëdorovna. Archivio Centrale di Mosca (CGALI).

Наш священник был выписан из Флоренции и по желанию ее два раза исповедывал и причащал ее. За час до кончины ее соборовали ее маслом и она была совершенно в памяти, но не знала, что это обряд приготовительный к смерти. В последние полчаса мысли ее начинали мешаться, но все не выходило из круга обыкновенных и окружающих ее понятий. Расставание же ее с жизнью было совершенно бесстрадальное и вообще нельзя сказать, чтобы она сильно мучилась ни в продолжении болезни своей, ни во время кончины. Она более изнемогала от болезни нежели боролась с нею. За несколько часов маменька твоя, смотря как тяжело она дышет, плакала над нею и бедная Пашенька с чувством нежности и покорности сказала ей слабым и угасшим голосом своим: не плачьте маменька, что же делать! — Это чувство, это расположение было в ней неизменно. Никогда не жаловалась она с нетерпением на болезнь свою, иногда унывала думая о будущем и говоря, что она уверена, что никогда совершенно не выздоровеет, но ни разу не роптала. Вечный ответ ее посторонним, нам и докторам, когда спрашивали ее о здоровье был: *assez bien, je vous remercie*. Доброта души ее была необыкновенная. В чувствах ее было что-то такое верное, благородное, чистое, высокое, сколько сострадательности, сколько заботливой любви и самоотвержения. Тело ее предали мы земле на иностранном кладбище (14) 26 м[арта]. Если тебе придется быть когданибудь в Риме ты в нем не будешь совершенно чужой, а найдешь родную могилу и слезы наши, которые и нас сроднили навсегда с Римом, так, что тяжело будет расстаться с ним. Не решено еще как и в который день выедем отсюда, но разумеется не медля нимало. Может быть, я поеду один вперед, а маменька останется с сестрами, которым советую купаться в море, особенно Надиньке. Впрочем мы здоровы. Надеюсь, что и ты перенесешь как должно скорбь свою. Не предавайся слишком отчаянию и унынию. Продолжай заниматься уроками с твердостью и бодростью: лучшее развлечение в скорби есть усердное исполнение обязанностей¹. Обними за нас нежно тетеньку, братцев и Лизу. Прощай. Будь здоров и покорен. Через месяц не с большим надеюсь обнять тебя. Прежде прочесть Жуковскому².

¹ Seguono alcune righe di Vera Fëdorovna.

² Queste parole si leggono sulla busta.

XII

m. 3269, ff. 73-74.

Флоренция 12 (24) ап[реля] 1835.

Я приехал сюда благополучно сегодня утром в 9 часов, следовательно был сорок часов в дороге, хотя во все время выходил из коляски всего не более как на полтора часа. Это для оправдания пред опекуном-дядькою-мамушкою Тургеневым. С Жоржем мы не дрались и не ссорились. Но ссорился я часто с самим собою. Были минуты такие тяжелые, что я не знал что делать, хоть бежать с места сражения и возвратиться к Вам. Я сам и Вы слишком на меня

надеялись отпустив меня одного в дорогу. Разве я не знал и ты не знала, что у меня нет ни твердости, ни бодрости, ни покорности. Впрочем дело сделано и теперь кое-как обойдется. Сначала вышло у меня довольно крови из носу и довольно слез из глаз и голова стала свободнее и сердце отлегло немножко. Не опасайтесь, я совершенно здоров. — Я уже не застал бедного Скарятина. Он умер вчера утром, апоплектическим ударом. Кровь кинулась видно из груди в голову. Накануне было ему гораздо лучше и доктора надеялись, что он может еще протащиться лето. Сегодня отпевали его. Наш священник приехал сегодня и поспел только к отпеванию. Тело везут в Ливорно. Виельгорская очень огорчена и смущена. Она едет теперь в Минхен в начале той недели, с ветуринами в двух своих каретах, их одиннадцать человек, три раза в сутки их кормят и обходится около 170 франк[ов] в сутки, следовательно вдвое дешевле вашего, потому что их вдвое более вашего. Стало непременно должно тебе написать Мокали¹, или по крайней мере с римскими ветуринами сторговаться по здешним ценам. — Великанов² едет с Виельгорской, а ты сочтись с женою его, которая остается в лавке. Солтыкова едет десятого мая, очень желает с тобою здесь увидеться. Княжна Мария очень похудела а другая все не очень здорова. Видел я Орловых. Все очень ласковы, принимают живое участие и много о Вас спрашивают. — Когда получишь ответ от Коппа пришли мне его в Вену. Я предпочитал бы для Вас пароходную езду, потому что с Рейна Вам не далеко будет захватить в Ганау, или во Франкфурт, куда можете выписать Коппа. Не иначе должно возвратиться в Петербург как определивши порядочно, что должно делать для здоровья Надиньки. Из известных докторов нам Копп более всех заслуживает доверенность, следовательно с ним и должно нам советоваться. О себе я более правящего остаюсь в прежних мыслях. Куда-бы нибудь в тихое пристанище, было бы только чем жить. Для жизни деятельной я более не гожусь. При случае не забудь поговорить с Г[рафом] Г[урьевым] и спроси мнение его об этом. Можно-же бы выдумать место в роде места Засса³.

Скажи Давыдову, что я с одним человеком говорил о памятнике, который он заказывает и мне заметили, что мрамор не может на открытом воздухе выдержать зимы нашей. Это справедливо. Лучше заказать бронзовый. Кланяйся от меня Волконской, и всем домашним, Тургеневу, Кривцову. Mes tendres et affectueux hommages à M.me de Mortemart. — Сейчас еду. После-завтра утром должен быть в Генуе. Что Ваша поездка в Чивита-Векия состоялась-ли? Не забудьте заказать Лебедеву⁴ другую картину, а между тем велите еще сделать простой список могилы с доскою и с кипарисом, как

¹ Nell'album di Vjâzemsckij si trova il biglietto di visita di «La vedova Mocali di Firenze, proprietaria di vetture, abitante nella Vigna Nuova n° 4120. Avvisa tutti i viaggiatori ch'egli è in grado di somministrare loro ottime carrozze con cavalli e muli per viaggiare in ogni parte d'Europa» (cfr. CGALI, fondo 195, m. 5078, f. 30).

² Probabilmente I. I. Velikânov (morto nel 1874), servo di V. S. Trubeckòj (1776-1841) che l'aveva condotto nel 1820 a Firenze; dopo aver approfittato del diritto di liberarsi dal padrone all'estero, si sposò e aprì a Firenze un negozio di mode; dopo essersi occupato di vari rami del commercio divenne proprietario di una miniera di marmo e forniva molto marmo alla Russia, dove si recava di tanto in tanto (cfr. M. D. Buturlin, RA 1897, I, pp. 616-617).

³ Un certo Zass (famiglia d'origine svedese) era stato per molti anni addetto commerciale alla missione Russa di Napoli.

⁴ M. I. Lébedev (1812-1837), pittore paesista, era stato mandato a spese del governo in Italia per perfezionarsi e morì a Napoli. I suoi paesaggi italiani godono di buona fama.

они есть. Можно заказать и не Лебедеву это. Тут не нужно красивой работы.

Обнимаю Вас моих милых от всей души. Не беспокойтесь обо мне. Мне теперь будет легче. Впрочем я совершенно здоров, могу спать в коляске и сплю хорошо. Тяжела была первая разлука с Римом. Теперь уже я с Флоренциею расстаюсь, а тут жалеть нечего.

XIII

m. 3269, ff. 75-76.

Генуа 15 (27) ап[реля] 1835.

Вчера приехал я в Геную. Еду хорошо, но все довольно тихо. Причины тому дурная погода, поминутный дождь, темные ночи, худая дорога, усталость лошадей измученных английскими караванами, которые поднялись в эту сторону, так что я на одной почте, как бы по великороссийски, прождал лошадей более трех часов, к тому-же и коляска тяжеленька, а между тем и судьба моя тяжела и во всем написано мне на роду не иметь удачи. Я думаю, что и мой Жорж не очень расторопен и, может быть, закиливает водку у почтальонов так, что они навеселе едут, а он не смеет слишком понукать их. Но я Вам обещался не ссориться с ним и пока молчу. Пожалуй он еще вызвал бы меня на дуэль, если я стал бы сомневаться в честности его. Здесь я ночевал, потому что сряду четыре ночи ехал и боюсь утомиться, да к тому-же не к чему и очень спешить. Я остановился здесь у нашего генерального консула Гейдекена, который добрейший человек в свете и так уже меня угощает и честит, что любо. Я искал *канезу* (*sic*) и просил Закревскую помочь мне, но здесь никто не знает о дешевых, про которые ты мне говорила, потому и купил только один для Машеньки за двадцать два франка. Оставлю у Гейдекена записку для Мещерской, чтобы она научила где найти и тогда он купит и перешлет к Вам. Что за прелестный край я проехал, а еще многое проспал и проехал ночью, между прочим проспал кривую колокольню Пизы и только выехав из города вспомнил о ней. Дорога между Пизою и Люкою и далее точно сад, удивительно обработанный, города красивые, а подъезжая к Генуе, еще лучше. Огороды роз. Берег дорогою красивый, кастелламарского, но залив не так хорош, нет островов и вода что-то тусклее. Я нашел здесь Соболевских отца и сына Joseph ¹, мать его недавно здесь умерла. Они уже давно живут в Генуе. В Риме точно наш Забьело ², с женою и теперь они должны быть еще там. Ты отыскала бы их. — Если проедешь чрез Флоренцию дай тотчас знать о себе Орловым. Они очень меня просили о том. — Вообрази себе, что здесь уже едят клубнику, как у нас в июне. Бедная Пашенька, то-то было бы это лакомство по ней. Гейдекен возил меня вчера

¹ Si legge in A. COMANDINI, *L'Italia nei Cento Anni del secolo XIX*, III, Milano, 1903-1917, p. 326: « Il 29 settembre 1853 muore nella sua villa presso Genova il conte Giuseppe Sobolewski, figlio dell'antico ministro della giustizia in Polonia, diplomatico in ritiro, ultimo di sua famiglia ».

² Forse K. S. Zab'elo (1805-1862), medico di Pietroburgo, dal 1853 ispettore del distretto medico di Kovan.

в оперу Анна Волье. Я надеялся, что музыка сладостно растрогает меня и развлечет, или отвлечет слезы мои, но не знаю я остался равнодушен, оттого-ли, что музыка мне не очень нравилась, или певцы довольно посредственны, или от усталости, но не дождавшись конца я поехал домой спать, и выспался очень хорошо так, что я отдохнул и освежился. Если Вам купаться в море, то где-нибудь в другом месте, а не в Травемюнде, где вода мало солоная. Выезжая из России может быть выгодно, оставаться в Травемюнде, чтобы не заезжать далеко, но Вы которые уже далее, то все-же равно должно ехать и следовательно выбрать можно место где море действительно, например в...³, или где нибудь по дороге Вашей, или вблизи дороги. — Получили-ли Вы мое письмо из Флоренции? Если Кокошкин забыл послать его, то вытребуйте чрез Кривцова. — Я купил несколько серебряных филограмов, но все довольно дорого. Цветы дешевы. Закревская закажет их мне и консул перешлет в Петербург. Если что тебе нужно здесь заказать, то можешь писать чрез Кривцова к Гейдекену. Кораллов здесь мало работают и не место их заказывать. Сажусь завтракать, а там в коляску. Погода все неблагоприятная, холодно, ветрено, и поминутно дождь. Потому и Генуи не увидел я в красе, как и все прочее. Такова судьба моя. Мне теперь легче и еду покойнее. Грустно, но не задыхаюсь от грусти. Простите, мои милые. Обнимаю Вас от всей души. Всем общим знакомым мой поклон, а в особенности доброй мамушке нашей Александре Ивановне. Надеюсь, что Вы уже писали ко мне в Вену и будете писать. Еще раз нежно Вас обнимаю. Не забудьте комиссий, которые я записал пред отъездом.

³ In questo punto è indicata la località suggerita da Vjâzemskij, ma non siamo riusciti a decifrarne il nome.

XIV

m. 3269, ff. 77-78.

Турин 16 (28) ап[реля] 1835.

Вот сюда я приехал как следовало, то есть часов в девятнадцать из Генуи. Ночью проехал я Нови Суворовское и Маренго Бонапартовское. Во всю ночь лил дождь и сегодня целый день как из ушата. От дождя-ли, или от чего другого, но Турин показался мне каким-то губернским или провинциальным Петербургом. Ничего нет итальянского ни в глазах, ни в ушах. Впрочем Обресковы и другие, которых я у них видел говорят о какой-то туринской красивой природе. Обрескова очень поправилась здоровьем, подобрела и посвежела. Они живут довольно уединенно, как и все. Все дома принимают и потому нигде никого нет. У него по вечерам собирается вист, она сидит за столом своим сперва с детьми своими и сестрами, там с обеими сестрами в ожидании, что кто нибудь подъедет. Так видел я сегодня, и так, сказала она мне бывает обыкновенно за исключением карнавала, одной поры года, в которую бывают балы. Дом их очень хорош, красиво убран и, кажется,

живут они очень порядочно. Обресков меня продержит еще завтрашний день, потому что Бакунин¹ болен и он должен сам переписывать депеши. Обрескова сказывала мне, что здесь нет ничего отменно хорошего и отменно дешевого из туринских изделий (*) кроме шелковых материй, да и те немногие в чем дешевле петербургского. Честь приложена, а от убытка Бог избавил и здесь я ничего для Вас не куплю. — Если и у Вас такая погода, то не весело разъезжать Вам по римским окрестностям. Я забыл купить во Флоренции соломенную шляпу для Карамзиной, M.me Mortemart сказывала мне, что у отца ее близ Флоренции работают прекрасные шляпы и дешевле против прочих. Справься у нее. Нельзя-ли заказать и тогда привези с собою или вели переслать чрез Ливорно с прочими вещами нашими. Попроси Бруцци², или M.r Wladimir³ сказать M.me Conti мое извинение, что я не зашел проститься с ними, но я так был расстроен, что совестно было в люди показаться. Скажи также Жиоржери⁴, что я очень жалею, что не простился с ним и не поблагодарил за все одолжения. Если Маша хочет обратно иметь ноты свои от M.me Laroche⁵, то пускай она попросит К[нягиню] Зенеиду, а M.r Wladimir вероятно опять забудет. — Узнайте порядочно точно-ли Засс хочет оставить Неаполь, только не надобно его спрашивать, а стороною и не сказывая с какою целью. Мне в Неаполе не хотелось-бы жить, но можно-бы место его распространить на всю Италию и быть коммерческим агентом по всему средиземному морю, тогда из пустого места, где нечего делать, можно-бы устроить место весьма важное и полезное со временем для выгод нашей торговли, которая теперь во всем краю этом упала а могло-бы подняться и оживиться, если заботиться о направлении, которое должно дать нашим негоциантам вовсе не знающим здешнего края. Только такого рода занятия мысленные и требующие одних соображений могут еще быть по силам моим, а никакая администрация мне не в мочь. Я нравственно и душевно расслаблен и никогда уже не поправлюсь. Я крепко верю, что мой план не устроится, потому что один успех его мог бы меня несколько успокоить и удовлетворить, но по крайней мере буду стараться о приведении оногo в исполнение, а там увидим после, что остается мне делать. — Что процесс мой?⁶ Прошу Тургенева не упускать его из вида и держаться записки, которую оставил я ему при отъезде. 17 (29) Remerciez M.me de Mortemart pour la connaissance de Silvio Pellico que je lui dois. Je l'ai trouvé tel que son ouvrage simple, cordiale, parlant de ce qu'il avait souffert avec reconnaissance, heureux d'avoir été malheureux. Il mène une vie très retirée au sein de sa famille et ne regrette que ses compagnons d'infortune qui sont encore restés captifs, malgré ce que les journaux viennent d'annoncer. Dites a M.me de Mortemart que je compte lui écrire de Vienne: où j'aurai probablement plus de temps à moi. Ce-

¹ Probabilmente S. P. Bakunin (1797-1864), segretario di legazione, che aveva chiesto nel 1835 di rientrare in Russia.

² Non siamo riusciti a individuare questo personaggio.

³ Non sappiamo con precisione chi sia questo M.r Wladimir, ma supponiamo che sia il signor Barbieri, poichè un personaggio di questo nome ricorre anche nelle lettere scritte da Sevyrëv durante il suo soggiorno romano in casa di Zinaïda.

⁴ Non conosciamo alcun particolare intorno a questo Giorgieri.

⁵ La figlia del pittore Vernet, che sposa il 5 dicembre 1834 P. Delaroche.

⁶ Anche nelle lettere scritte da Pietroburgo Vjazemskij accenna più volte a questo processo: si sa solo che aveva una questione con un certo signor Leone, ma la controversia non era abbastanza importante per ricorrere al tribunale superiore (cfr. CGALI, fondo 195, m. 3269, f. 99; lettera del 29 maggio (10 giugno) 1835).

годня вечером еду. Завтра утром должен я быть в Милане. Погода все еще несносная а дождь не утихает. Простите, мои милые. Обнимаю Вас от всей души. Жаль мне Вас, жаль себя, жаль Рима. Ни одно светлое чувство не проникает в душу, которая не умеет походить на душу. —* Silvio Pellico. Впрочем и несчастье не одно, как и я ему говорил: *Son malheur pouvait avoir et a eu un lendemain.*

XV

m. 3269, ff. 79-80.

Милан 18 (30) ап[реля] 1835.

Вчера выехал я в десять ч[асов] вечера из Турина, а сегодня приехал сюда в час перед обедом. Я очень рад, что Г[раф] Стакельберг удержал меня до завтра и буду спать в постели, а не в коляске. Погода все несносная, холодная, дождливая и у меня такой насморк, что мочи нет. Наградили вы меня этою комиссиею. Измучишься от дороги, измучишься от опасения ответственности, а мне и за себя теперь отвечать не хотелось-бы, а тут заботься и ответствуй за семью, тряпки и разные марания которыми навьючили меня как осла и которые непременно нужно довести в целости. Ну, а как не довезу их? Что мудреного? Я человек пропадаший. А все это бабушка хлопотунья, мамушка наша и всеобщая Александра Ивановна. В Вене постараюсь откланяться учтивым образом, особенно, если еще много нададут пакетов. И теперь в спину прет и некуда ног протянуть. — Я нашел в Графе Стакельберге любезнейшего, вежливейшего, ласковейшего старика. По наслышке я совсем не так судил о нем. Что ни говори, а тотчас узнаешь барина старой школы. Бедный очень страдает подагрой и пуще всего бессонницею. Собираются они ехать в Искию на лето. Милан очень красивый город, был я в соборе; не храм св. Петра, а великолепен в своем роде, хотя великолепие несколько игрушечное, вроде этих шахматных штук из кости, удивительны тонкостью и многосложностью узорчатой работы. Строение готическое, а нет угрюмого величества готического, скорее что-то китайское, или Рососо как сказал-бы сын маршала Мезона¹. Видел отстраивающиеся мраморные ворота, *arc de Simplon*, начатые французами. Здание прекрасное, но жаль, что не на месте, на пустынном и некрасивом краю города, пред обширную площадь, или лугом, род девичьего поля, так что сдается, что ворота тут отрабатываются, а по окончании перенесут их куда следует. Наполеон, сказывают, хотел преобразовать, или обстроить этот луг, тогда ворота могли-бы примкнуть к чемунибудь. Есть здесь и новейший Колизей или по крайней мере Амфитеатр, также руки французов, *l'arena*, для бега лошадей, людей, и разных игр на суше и на воде, ибо когда нужна сцена Амфитеатра заливается водою. Ездил я смотреть дом Самойловой, которая поехала в Петербург. Много роскоши и вкуса и любопытен картинами, портретами и бюстами своими. Сказывают, что она назначает наследником своим Фирса Голицына², ко-

¹ N. J. Maison (1771-1840), maresciallo e uomo politico francese.

² Non conosciamo i dati di questo Gollicyn.

торый был здесь у нее. В городе и в народе ее очень любят. В сентябре обещалась она возвратиться³. — Сейчас ложусь спать выпив липового чая, чтобы выпотеть свой насморк, благо, что незачем было ходить в театр, по той причине, что играют не в Скале, дают Анна Volen и поет наша Шоберлехнер.

19 апр[еля] (1 мая). Сегодня познакомился я с Манзони, но не без труда. К[нягиня] Зенеида дала мне от кого-то письмо к *Азельо*⁴, который был женат на дочери его и овдовел, а теперь хочет в другой раз жениться и потому, кажется, не в ладах с бывшим тестем, так что он письменно учтивым образом отказался познакомить меня под предлогом болезни своей и болезни Манзони, который будто никого не принимает. Впрочем и Графиня Стакельберг⁵ говорила мне, что он стал очень нелюдим после несчастья его. Таким образом послал я от себя к нему просить позволения быть у него и он назначил мне свидание сегодня. Он очень хорошо меня принял, очень жив и любезен в разговоре и изъясняется по французски с большою свободою. Я около часа пробыл у него. Жаль, что не имею времени записать наш разговор, а после боюсь забыть. Лазил я сегодня и на верхушку собора. Вообразите себе мраморную гору которую обработали и выточили как шашку. Все мрамор внутри и снаружи. Все статуйки, розасы, башеньки, шпицы и проч[ее] и проч[ее] с подошвы до крыши.

Сейчас еду далее отзавтракав, или лучше сказать плотно отобедав у Графа. Это четвертое письмо к Вам: первое из Флор[енции], второе из Генуи, третье из Турина. Теперь будете несколько дней без письма, до Вены дней пять езды. Где-то за Пизою купил я соломенную шляпу от ожидаемого зноя, а здесь купил теперь шапку. Погода все еще осенняя. Насморк мой полегче. Но вероятно коляска опять приведет его в первобытное состояние. Тяжело быть в дороге в такую погоду. Простите. Обнимаю Вас, мои милые, от всей души. Кланяюсь всем нашим. Надеюсь и жду вести от Вас в Вене.

³ La «Gazzetta Privilegiata di Milano» annuncia il 29 ottobre 1835 il ritorno della contessa Samòjlova.

⁴ Cfr. *Appendice II*, le lettere di M. d'Azeglio a Vjâzemskej.

⁵ Il conte G. O. Štaket'berg sposa nel 1805 Carolina di Ludol'f (morta nel 1880).

XVI

m. 3269, f. 81.

Милан 19 апр[еля] (1 м[ая]) 1835.

Сейчас еду далее и оставляю здесь письмо к Вам у Г[рафа] Стакельберга, который отправит его с австрийским курьером вместе с канзу (*sic*) Машеньке из Генуи. Обнимаю Вас мои милые от всей души.

XVII

м. 3269, ff. 85-86.

Вена 25 ап[реля] (7 мая) 1835.

Наконец дотащился я вчера утром до Вены, более четырех суток с половиною ехал я от Милана. Дождь и холод преследовали меня до самой границы Италии и только в Германии отыскал я солнце и жар. Как мне странно и грустно было перевалиться в немчизну и слышать немецкий язык на первой почте за границую. Не много времени, а много скорби так сроднили меня с Италиєю, что кажется я никогда не выезжал из нее, что в ней родился я, в ней и умер. Эта часть Германии, которую я проехал очень живописна и что за деятельность! Весь народ на ногах на работе, все стихии на работе; сажени воды даром не протечет, а приводит в движение колеса фабрик*. Как все хорошо обстроено, деревни, города. Все одеты старые и малые, и нигде не сквозит как в нашей благословенной Италии. Голая природа ни на лицо ни *наизнанку*. Нищих мало, и которые и есть точно дранные, слепые, недужные, не заглушают Вас криками, а смиренно сложат руки просительно и творя молитву ожидают, чтобы Вы бросили им что нибудь Христа ради. Все это хорошо с одной стороны философической и экономической, зато выехав из Италии не жди уже поэтических впечатлений. Все проза, которая дельнее, сочнее поэзии, убеждает, но не шевелит. Мне казалось что в Италии оставил я первобытного человека до падения его: он не знает труда, потому что трудиться не для чего, стоит ему протянуть руку или губы, чтобы сорвать плод, стоит протянуться, чтобы отогреться на солнце: не знает он стыда, потому что греха не знает в блаженном невежестве своем, бесчинствует невинно и не прикрывает тела своего, потому что не знает выражения: *грешное тело*, которое уже изобрела нравственная цивилизация человека по падении его. Здесь же человек, как уже во вторую эпоху свою снискивает хлеб свой в поте лица своего, и скупает уже немощь и грехи свои работою, сгибается под ярмом нужд, обязанностей, законов. Разумеется более нравственного достоинства в этой второй эпохе, но зато более уныния и в самом довольстве купленном дорогою ценою пожертвований и усиленных трудов. — Вероятно проведу я здесь дня три и продолжу потом свое курьерское отправление, также подобно человеку по падении, то есть созданному в коляске под ношею обязанностей и депешей и снискивающему прогонные деньги свои пожертвованием спокойствия и удобства протянуться в коляске и остановиться ночевать когда хотелось-бы. Но план дороги переменился. Я здесь нашел Графа Александра Гурьева, который едет на Любек и там сядет на пароход. Он расчел мне, что это средство гораздо удобнее и сократит время. А на его расчеты положиться можно. Он говорит не на ветер и слова его вес имеют. Так сделаю и я, тем более, что здесь оставляют на мою волю ехать как хочу. Таким образом поеду на Дрезден и на Берлин, а 19 го н[ового] с[тиля] сажусь на пароход. Не бойся за меня парохода и горестных воспоминаний его. Я и в коляске не менее под их всеобъемлющим и почти непрерывным влиянием и к тому же всегда один. Да и мне не по силам и не по летам эта курьерская скачка, а тут пришлось-бы почти безвыходно скакать дней двенадцать, а дороги в России должны быть еще очень неисправны. Татищева я еще не видал. Он нездоров. Вероятно

увидю сегодня. Первое лицо встретившее меня было Евгения Гагарина¹, который все очень добр, ласков и услужлив. Горчаков также. Вчера возил он меня в *Прагер*, здешние *Cascine* куда в пять часов после обеда съезжается весь блестящий венский свет и называл он мне все лица этого волшебного фонаря, так что я теперь видел все блестящие верхушки здешнего общества. Одних Лихтенштейнов и Лихтенштейних в колясках и верхами насчитал он мне штук двенадцать. Видел я Киселеву, которая очень дружески мне обрадовалась. Сегодня везет она меня на какую-то скачку лошадей и предлагает ехать в субботу с собою на какой-то пикник за город. Она очень желает с тобою встретиться и собирается в конце месяца ехать на Рейн. Она мало переменялась, только, кажется, стала гуще, но как переменялась сестра ее Нарышкина! узнать ее нельзя. Здесь и Мария Пушкина², видел я ее только на гулянии вчера. Я нашел здесь два твои письма от тринадцатого и шестнадцатого апреля. Итак Вы теперь вероятно тащитесь. Бедные, жаль мне Вас. Желая по крайней мере, чтобы путь Ваш лежал по любопытным местам и мог-бы доставить тебе несколько развлечений в грусти и скуке твоей. Разумеется мне будет большая отрада соединиться с вами скорее в Петербурге, но однако же, прошу и требую не спешить чрез силу, а особенно, если Копп велит остаться где нибудь подолее для Надиньки. На первое время с меня довольно будет и Павлуши. Я не буду один. О деньгах также не беспокойся. Что нужно будет вышлю из Петербурга куда назначишь. Если паче чаяния ты еще в Риме, то знай что буду писать тебе во Франкфурт на имя Маркелова, а ты уже пиши ко мне в Петербург. *Если ты еще в Риме не забудь трести моей с Везувия у того, который делает нам стол из разных камней.* Простите мои милые. Обнимаю Вас от всей души.

¹ Probabilmente E. G. Gagàrin (nato nel 1811), figlio di G. I. Gagàrin; sposa M. A. Sturdza.

² Forse M. A. Mùsina-Pùškina (1782-1863), moglie di un Chitrovò.

XVIII

m. 3269, f. 87.

Вена 26 ап[реля] (8 м[ая]).

На всякий случай пишу тебе еще в Рим, чтобы сказать тебе, что завтра вечером выезжаю из Вены на Дрезден, Берлин и Любек. С дороги буду писать тебе во Франкфурт на имя Маркелова. Имели-ли Вы предосторожность заключая условие с вегурином предоставить себе возможность, разумеется с уплатою какой нибудь неустойки, разделаться с ними до Любека, если Копп предпишет купания не в Травемюнде, а в другом месте. Во всяком случае купания в Травемюнде, как я уже заметил тебе, мало действительны и для Вас и без того проезжающих из края в край Европы и следовательно имеющих удобность выбрать по дороге в Россию другое место, не предоставляя никакой выгоды ни в экономии времени, ни в экономии денег. Жаль, если ты и мамушка наша Александра Ивановна, упустили это обстоятельство из виду. Это Вас свяжет. Простите, обнимаю Вас от всей души. Желал-бы я еще завтра до отъезда иметь письмо от Вас, чтобы мысленно искать Вас и знать где найти.

XIX

m. 3269, ff. 90-91.

Дрезден 2 (14) [1 (13)] мая 1835.

Наконец дотащился я сюда в четыре часа утра. Опять около суток лишних проехал я. На беду и коляска задерживала меня, какой-то проклятый винт ломался и я потерял за ним несколько часов. Да и Жорж не поспешен. На месте он очень хорош, домосед, держит все в порядке и мастер укладывать, зато, когда сам уложится на козлах так уже не шевелится. Подозреваю, что он и обсчитывает почтальонов, немного и меня, но очень немного, потому что деньги выдаю ему в самый обрез. Дрезден кажется мне веселеньким городом, много зелени, много садов, много улиц вроде московской Садовой. Вот мой нынешний день: лег спать в четыре часа, проспал до десяти, поехал к Шредеру ¹, от него к Графу Строганову ², там в *Grüne Gewölbe* ³, или *savaeu vert*, великолепное собрание игрушек разных веков, род кунсткамеры очень любопытной, тут-же царская сокровищница, вблизи оружейная, огромные галереи обвешанные древними оружиями и обставленные деревянными лошадьми на коих сидят древние рыцари, или по крайней мере доспехи их с шлемами и забралами, и все исторические, то что носили и в чем сражались рыцари и князья саксонские. Тут-же шпага Петра Великого мирно сомкнувшаяся с шпагою Карла 12 го, шляпа Петра и плеть его и бархатное седло и длинные сапоги Наполеона, служившие ему в сражении под Дрезденом. Сапоги прорезанны сзади, видно так промокли, что иначе снять их с ног нельзя было. Странно, что и седло бархатное и точно старинное. Эта оружейная прекрасная и любопытная. Древность в лицах, или в забралах (*visières*) и на ногах. После пошел я в знаменитую картинную галерею. В первый раз смотрел я на Рафаэля и на Корреджио с чувством, родившимся во мне от римских воспоминаний. Что-то знакомое, родное. Обедал я у Шредера. Да, забыл еще одно важное посещение: был у нашего Вагнера ⁴, который все тот-же и в доказательство сидит больной дома, потому что расшибся упав с коляски, или с коляскою, которую правил. Люценроде уже здесь не застал, он отправился в Петербург с семейством своим, но надеюсь сойтись с ним на пароходе. Я очень рад буду этому товарищу. После обеда поехал за город к помятому Моро ⁵ на том самом месте где оторвало ему ноги, рядом с императором Александром. И памятник род отрубленного туловища: четвероголеньный, неуклюжий камень с медным шлемом на верхушке. Памятник безобразный, но впрочем и слава Моро не совершенно чистая. Окрестностей и видов я не очень разглядел, становилось поздно, да и шел дождь. Я переносу

¹ A. A. Schröder dal 1829 al 1857 ministro plenipotenziario per il Hannover, la Sassonia reale, Sassonia-Weimar e Sassonia-Altenburg.

² Forse G. A. Ströganov (1770-1857), diplomatico che era stato addetto alla missione di Dresda negli anni intorno al 1824 e vi morì la prima moglie.

³ Si tratta del tesoro del castello di Dresda, una ricca collezione d'opere d'arte, di preziosi e gioielli.

⁴ Non sappiamo con precisione chi sia questo Wagner, forse un parente di E. V. Wagner, moglie di M. P. Pogodin, oppure il futuro marito di M. P. Balàbina.

⁵ Intende J. Moreau (1762-1813), generale francese, ferito mortalmente nella battaglia presso Dresda.

дождь из столицы в столицу. Куда ни приеду, дождь за мною и дорогою он мне довольно верный товарищ. Заезжал в некоторые лавки, возвратился домой где Гульянов⁶ говорил мне о своих иероглифах и читал свои французские стихи Графине Ферзен⁷. Кончил вечер у Строгановых, где нашел сына Алексея⁸, Сумарокова⁹, Кружановскую¹⁰ и Лазза (*forse Lassa*)¹¹, который тоскует и плачет по Петербурге. Возвратился домой около полночи и пишу к Вам письмо. Завтра встаю в шестом часу утра и надеюсь выехать часу в седьмом и быть в Берлине послезавтра утром. Вот Вам новый и верный отчет. Грустно, что не знаю наверно где мысленно и душевно Вас искать. Завидую, что Вы будете в моем Ганау. Как не любить Ганау? Там мы надеялись, там я было ожил после тоски и страха петербургского. Разумеется, я нигде не был истенно счастливее, как там в среднюю часть нашего пребывания. — Я писал два раза из Вены чрез Кривцова. Вероятно ты условилась с ним куда пересылать к тебе письма. Сделай милость не скупись, если ты лишними днями в городах, которые захочешь немного осмотреть и потеряешь дней десять, или пятнадцать, и издержишь лишних семсот, или восьмсот франк[ов]: то беда не велика. Тем более, что твои две тысячи, которые я взял у Торлония вероятно во всей целости доvezутся до Петербурга. Не забудь расчесться и с Toussaint и с Коппом за переписку. Простите, мои милые. Обнимаю Вас от всей души. — Здесь воспоминание ганауское, ночной крикун, который вдобавок и трубит. Дайте что нибудь нашему в Ганау. Еще раз обнимаю Вас.

⁶ I. A. Gul'jànov (1789-1841), egittologo, era stato accreditato presso le missioni russe in Oriente. Vjàzemsij accennava probabilmente alla sua opera: *Essai sur les hiéroglyphes d'Horapollon et quelques mots sur la cabale* (1827).

⁷ Non conosciamo i particolari della famiglia Ferzen, sappiamo da un'annotazione di D. Ficquelmont (1829 s. g.) che una Ol'ga Stròganova si era sposata contro la volontà dei genitori con un ufficiale Ferzen (cfr. *fondo cit.*).

⁸ Un Aleksėj Stròganov entra più tardi nella carriera diplomatica russa.

⁹ Forse un parente della moglie di S. P. Sumaròkov, nata Moruzzi.

¹⁰ Non siamo riusciti ad individuare questa persona.

¹¹ Si sa che esisteva una famiglia di questo nome, che si scriveva talvolta anche Lessi, e si conoscono anche dei O' Brien de Lassi.

XX

m. 3269, ff. 92-93.

Берлин 3 (15) мая 1835.

Сегодня утром приехал я сюда и в полночь еду, чтобы вернее попасть в Любек на пароход. Все уговаривают меня остаться на завтрашний день уверяя, что я все-таки во время успею. Но я знаю свою удачу. И теперь боюсь еще опоздать. Хорош я буду, если растеряю часть пакетов и упущу пароход. Чего доброго? с моей судьбы станется. Я здесь ничего не видел, потому что нечего видеть, кроме города, который красив и уголок петербургский, но с лучшими зданиями. Живу *под лидами*¹. Обедал я у Рибопиеров², которые собираются

¹ La famosa via «Unter den Linden» dove era sceso all'albergo St. Petersburg, uno dei più eleganti, al n. 31 di quella via.

² A. I. Ribeaupierre (1783-1865) e la moglie E. M. Potëmkina (1788-1872). Ribeaupierre, emigrato francese, era stato ambasciatore a Berlino.

в Петербург отпустив великую княгиню, которую скоро сюда ожидают с Сологубовой³ и Чичериной⁴. Великий князь будет после. Они едут в Карльсбад. Император и императрица поехали в Москву на месяц. Будет там выставка. Видел я Мансуровых⁵, Озеровых⁶. Бедная подруга Пашеньки⁷ в болезни и на водах была верна ей и в смерти. Здесь Кноринг⁸, который назначен на место Депрерадовича⁹, но едет еще на воды и может быть с год пробудет за границу за болезнью. Ожидают сюда Смирновых¹⁰. Он причислен к здешней миссии, но также год будет в отпуске и вероятно зиму проведут они в Италии. Она, сказывают, очень переменялась и слаба. Видел я здесь Долгорукую¹¹ сестру Потоцкой и нахожу, что она ничуть не хуже того, что была. Графиня Петерман умерла¹². Из Дрездена ошибкою поставил я 2 (14), я писал от первого. Слышу топот коней на дворе. А немецкие почталыоны только тут и спешат пока еще не едут. Впрочем в Пруссии езда немного по сноснее. Где и как тащитесь Вы, мои милые. Что у Вас за погода? Здесь холодно, я вчера ночью так продрог, что нужно было мне выйти из коляски, чтобы согреться в комнате. К сожалению проехал я чрез Потсдам сегодня слишком рано и ничего не осмотрел. Простите, мои милые. Обнимаю Вас от всей души.

³ Forse una certa Sollogùb nata Stròganova.

⁴ Cfr. sopra capitolo su Firenze, forse A. A. Čičérina.

⁵ Forse A. P. Mansùrov (1788-1880), generale, addetto militare alla missione di Berlino fino al 1851, poi incaricato d'affari e ministro plenipotenziario all'Aja.

⁶ I. P. Ozerov (morto nel 1880), diplomatico, dal 1835 segretario d'ambasciata a Berlino; dal 1846 al 1854 incaricato d'affari nel Baden, dal 1854 al 1863 ambasciatore in Portogallo, poi in Baviera fino alla morte.

⁷ Non sappiamo chi sia questa amica di Pàšen'ka, forse una figlia degli Òzerov?

⁸ Vjázemskij conosceva dei Knorring dal tempo di Varsavia (cfr. « Zven'ja » IX (1951), p. 250, lettera del 12 gennaio 1832 alla moglie dove parlava di Luisa Knorring, nata Severina). I Knorring erano una famiglia di origine curlandese. Nei mesi di ottobre e novembre del 1833 viaggiava in Italia un generale di questo nome, probabilmente Otton Fëdorovič, con la moglie Federika (1778-1836) nata Löwenwald.

⁹ Non conosciamo i particolari di questo personaggio, supponiamo che si tratti di un altro addetto alla missione russa.

¹⁰ A. O. Smirnovà, nata Rosset e il marito, che partono da Pietroburgo poco prima del ritorno di Vjázemskij.

¹¹ E. A. Dolgorùkova (1803-1852), nata Saltykova, moglie di I. A. Dolgorùkov (1797-1848), generale.

¹² Non abbiamo individuato questo personaggio.

XXI

m. 3269, ff. 94-95.

Любек 6 (18) м[ая] 1835.

Со вчерашнего дня утром я в Любеке. На этот раз не опоздал, но удача моя не в удачу. Парохода еще нет из Петербурга и следовательно завтра не отправляемся. Таким образом придется на худой конец просидеть здесь дня четыре, а чего доброго и гораздо более, если правда, как слышно, что пароход не вышел из Петербурга за льдами. Не весело здесь ждать. Жаль мне, что я еще суток не прожил в Дрездене, чтобы осмотреть окрестности и саксонс-

кую Швейцарию, жаль что торопясь не заехал в Гамбург. Кроме скуки, неловко мне и приехать поздно в Петербург с своим курьерским отправлением, тем более, что я избрал незаконную дорогу и что мое отступление от общего обыкновения могло быть оправданно одним успехом, то есть тем, что я на пароходе приехал бы двумя, или тремя днями ранее, или по крайней мере к тому-же сроку. Конечно, все что я везу не к спеху и беды нет, но все что-то неладно и нескладно. А теперь я попал как в мышшеловку. Надобно ждать парохода. Товарищи мои в ожидании К[нязь] Андрей Горчаков¹ и Граф Гурьев. Других никого еще нет. Завтра ожидают Левенштерна² флорентинского. Вообще, полагаю, что нас на пароходе будет немного. Жалею, что нет Люцероде³. Вероятно он отправился сухим путем. Мы будем на Александре, а с Вами приехали мы, кажется, на Николае. Я, признаюсь, рад что не буду на том-же, хотя и не знаю чему радуюсь. Море все-таки будет то же и воспоминания те-же. Ни от него, ни от них никуда не уйдешь. Как благоприятен был тогда наш приезд в Любек. Морская победа была одержанна и все чего опасались мы на море обошлось хорошо. Вообще весь путь наш до Ганау был путь к надежде и почти все пребывание наше в нем подкрепление и возрастание надежды. С самого же выезда нашего из Ганау началось падение и пошло все хуже и хуже. Тут был несчастный перелом. Пожалуй, говоря после доктора, что болезнь все таки оставалась неотвратима. Не верю. Сужу о болезни Пашеньки по своей болезни, по болезни души. Мне было легче. В Петербурге я был убит душевно. В Ганау душевно ожил. Выезд из Ганау был снова для меня удар, вторичный приговор к смерти. Рим сначала несколько развлек меня, но ни на минуту не было на душе той ясности, тех сладостных ощущений, того спокойствия и упования, как в Ганау. Все это не могло быть игрою случая. Нет, верю душе своей и предчувствиям своим. Раненый в руку, или ногу предчувствует-же болью перемену погоды. Почему-же раненой душе не иметь также способности угадывать свою погоду? — Я был сегодня в ортопедическом институте и видел маленьких Гагариных⁴ и Голицыну. Гагарины, кажется, очень поправились, особенно старшая, которая довольно и выросла. Но больно смотреть на бедную Голицыну, которая лежит неподвижно в живом гробе своем. Лицом она очень свежа и здорова. Надзирательница даже говорила мне, что ей лучше, но от других слышал я, что нет надежды выпрямить ее. Каково-же это страдание нескольких лет если без пользы. Вообще, кажется, что это лечение должно иметь пагубное действие на умственность и Гагарины (особенно старшая) и Голицына показались мне как будто напуганные, одурелые. Не мудрено, что

¹ A. I. Gorčakov (1768-1855), principe, generale che si era distinto nella battaglia di Lipsia; aveva lasciato il servizio statale e dal 1828 passava la maggior parte del tempo all'estero, G. F. Baruffi aveva annotato: «Ricordo con piacere il vecchio generale russo il principe Gortschakoff, il quale se ne tornava a svernare a Napoli, donde era stato chiamato dall'Imperatore per assistere alle feste di Borodino, avendo egli preso parte a quella battaglia» (cfr. *op. cit.*, lettera quarta, p. 228).

² Forse V. I. Levenstern (1777-1858), barone, generale maggiore, ha lasciato in lingua tedesca: *Denkwürdigkeiten eines Liefländers aus den Jahren 1790-1815*, Heidelberg 1858. E' probabile che Vjazemskij l'avesse conosciuto a Firenze.

³ Il barone Lützerode era stato nominato nel 1833 inviato straordinario e ministro plenipotenziario del Re di Sassonia presso la corte russa, dove aveva già prestato servizio in qualità di segretario d'ambasciata.

⁴ Ci è difficile dire chi siano queste due famiglie Gagàrin e Gollcyn, sappiamo soltanto che questa principessa Gagàrina nasce Kutàjsova.

это вечная неволя физическая, вечная давка телесная стесняет развитие и свободу нравственной силы. Эти дети находятся как под вечным наказанием, не понимая, и не имея возможности понимать, что это наказание должно со временем быть им в пользу. Тяжела смерть, но тяжела и жизнь купленная этою ценою, особенно же, если окончательно жизнь все-таки не окупится. Жестокое положение родителей в этом случае. Олсуфьеву⁵, сказывают, гораздо лучше. Я еще раз буду там до отъезда и тогда всех их увижу. — Дорогою читал я переписку M.me Campan avec la reine Hortense. Очень интересна. Ту и другую сердечно полюбишь. Прочтите ее, если где найдете. Особенно же ты, Машенька, прочти и угадай, что я в этой переписке нашел сходного с тобою и со мною. Еще прочел я новый роман de Georges Sand: *André*. Это уже не для Машеньки. Читал я его с большим удовольствием и сладкими слезами. Мне так странно было плакать о другом. Удивительно, что за прелесть и свежесть в этом романе. Дело о цветочнице и много речи о цветах. И весь роман благоухает как цветок. Два тома имеют общее заглавие: Андрей, но бог знает почему. Во втором совершенно другая история и другие лица и он гораздо хуже первого. Так, что трудно верить, что он писан тем же автором. Тут вероятно просто плутовство книгопродавческое, чтобы принудить купить и заплатить два тома вместо одного. Есть у меня еще le Père Goriot Бальзака, который мне очень хвалили. Дорогою прочитал я еще la Reine Hortense en Italie, en France et en Angleterre pendant l'année 1831. Интересно особенно как выражение материнской любви, но сторона историческая и политическая довольно бледна и маловажна. Если знать бы наверно, что Вы будете в Травемюнде я оставил-бы Вам эти книги здесь в Любеке. Впрочем могу переслать их к Вам и после с пароходом. Невольное заарестование мое в Любеке послужит к одному: родит во мне нетерпение попасть скорее в Петербург, чего бы не было без этого, несмотря на желание мое обнять бедного Павлушу и поплакать с ним. Странное дело, мне не только больно и тяжело думать о Петербурге, но как-то и неловко и стыдно. Противно. показаться мне туда, как после неудачи. Это сожаление посторонних для меня тягостно и прискорбно. Равнодушие совершенно чуждых сносно et me met à l'aise. Но быть на сцене плачущим лицом пред зрителями, хотя искренно сострадающими тебе, но состраданием в деле для них постороннем, это возлагает какую-то обязанность на скорбь и ставит ее в некоторую зависимость. Сердцу нужно делиться радостью своею с каждым встречным и поперечным, это придает живость радости, но скорбью ни с кем делиться не можно и не должно, разумеется иначе как с теми, для коих скорбь эта общая, но тогда уже не делиться ею, а каждый несет ее сполна, хотя и пополам, но не раздельно.

⁵ Non siamo in grado di decidere di quale Olsù'ev Vjazemskij parli.

XXII

m. 3269, ff 96-97.

8 (20).

О пароходе все еще нет ни *слуху ни духу*. Вот четвертый день, что сижу здесь, как рак на мели и, бог знает, долго-ли еще просижу. Какова судьба моя во всем. Точно есть какой-то особенный исполнительный департамент в правлении судьбы, который о том только и заботится, чтобы во всем перечь мне и ставить верх дном все что ни предприиму. Кажется довольно-бы с судьбы было рубить меня топором не прокалывая еще в добавок непрерывными булавками. Не могу сказать как Lanzun¹, который после долгого заточения проезжал по какому-то опасному месту, на совет выйти из кареты отвечал: «*Ces malheurs là ne sont pas faits pour moi*». — Для меня так все несчастья впору. — Одолжил меня Гурьев советом своим ехать на пароходе. Если я прямо отправился-бы из Вены, как следовало, то был-бы я уже в Петербурге сегодня, или завтра. Надобно-же мне было наткнуться на этого *двуфонарного Диогена* и последовать ему. Где Вы, мои милые, и что Вы? У нас здесь несносный холод и вечно пасмурное небо, так что и гулять не хочется. В Гамбург не еду из экономии и с тем, чтобы допивать медленно чашу горечи и скуки и не дать судьбе случая изобрести еще какую нибудь штуку против меня. Я попался в когти ее в Любеке и держусь смиренно пока не выпустит. Выбиваться не буду. Знаешь-ли что наш бедный Габбе² в Зонненштейне, тут где был Батюшков? Он в Одессе повторил историю Раевского. Ольга Нарышкина мне рассказала. Впрочем он, сказывают, в самом деле с ума сошел. Теперь ему полегче, то есть он потише, но мало надежды на выздоровление. Родные желали-бы взять его к себе в Россию, но позволение вывезти его за границу было дано только с тем, чтобы навсегда запретить ему возвращение, и Нарышкины не знают успеют-ли выпросить отмену этого приказания. Как Воронцовым³ мужу и жене не стыдно после таких историй смотреть еще на людей. А чего доброго они еще по своему счастливы и в чести. — Новый пароходный товарищ приехал в Гамбург: Ломоносин⁴. А Люцероде видно не будет. Жаль. 22 го. Наконец пароход прибыл сегодня и послезавтра отправляемся. Полную неделю высижу здесь. Порядочно. Видел я сейчас Свистунова⁵, который вышел в отставку и едет за границу на несколько лет. Он говорит, что в Петербурге такой холод, что страх и пароход не выходил за льдами. Жалею, что не видал Матушевича. Он только что проехал чрез Любек ночью. Весь Петербург, сказывают, опустел и еще опустеет. Я очень рад этому. Чем менее знакомых, тем лучше. Просторнее и свободнее дышать. Фикельмонты уже выехали. — Ломоносин также несколько дней прождал здесь с нами, мы уже думали с ним отправиться

¹ Intende Lanzun Nompár de Caumont (1623-1725), favorito di Luigi XIV.

² P. A. Gabbe (nato nel 1796), protetto dal granduca Konstantin Pávlovič, cadde però in disgrazia per le aperte critiche di fronte allo stato. Era un letterato di talento, amico di Vjázemskij; nel 1833 impazzì ed ottenne l'autorizzazione di recarsi all'estero a condizione di non tornare più in Russia e da allora si perdono le sue tracce.

³ Ci è difficile dire quali siano questi Voroncòv.

⁴ S. G. Lomonòsov (1799-1857); diplomatico russo, morto in una sua proprietà vicino a Firenze.

⁵ Probabilmente il marito di N. P. Svistunòva (cfr. sopra).

сегодня назад в Берлин и ехать сухим путем, если не пришел-бы пароход. Он назначен chargé d'affaires в Бразилию. С Смирновыми разъедемся на море. Они отправились с вторым пароходом. Погода здесь скверная. Вероятно и у Вас такая-же, потому что это общее действие кометы. Больно думать мне о Вас в дороге в холод и в дождь. Если простоят, судя по началу, и все лето дурное то не выгодно будут морские купания.

23 го. Итак простите до Петербурга. Надеюсь найти там письмо от тебя и, разумеется, сам напишу тотчас. Теперь курьерская совесть моя успокоилась, но зато сердце опять заныло. Вся тяжесть петербургской жизни отозвалась во мне предчувствием и кроме желанья увидеть и обнять Павлушу ничто меня там не радует. Делать нечего. Простите. Обнимаю Вас мои милые от всей души. Не забудь спросить у Маркелова, что должна ты ему заплатить за мои письма. В Любеке я тебя рекомендовал Шлецеру⁶. Он получил известие от Toussaint⁷ что какой-то наш ящик отправлен сюда. Велю оставить его здесь до приезда твоего. Может быть, будет легко и выгоднее тебе захватить все с собою. Еще раз дайте себя нежно обнять. Завтра отправляемся из Травемюнда. Стало, если пароход пойдет хорошо, в четверг, то есть 16 (28) го можем быть в Петербурге.

⁶ Schlözer era il console russo.

⁷ Toussaint era probabilmente uomo d'affari che s'incaricava di spedizioni e di operazioni finanziarie.

LETTERE DI P. A. VJAZEMSKIJ ALLA SORELLA E. A. KARAMZINA
SCRITTE NEL 1834-1835

Conservate nel fondo 248 dell'Archivio Centrale di Mosca (CGALI).

I

m. 33, ff. 40-41.

Рим 18 (30) м[арта] 1835.

Что сказать мне Вам о себе, милый друг? Вы понимаете скорбь мою, которую и Вы испытали, но Вы не можете понять моих страданий, потому что Вы в возвышенности и мужестве души вашей умеете хранить покорность к провидению. А я и мыслями и чувствами возмущаюсь под ударом нас постигнувшим. Чувством воплю против жестокости его, мыслью борюсь с прошедшим и в сей борьбе перебираю день за днем, как будто-бы мог я еще всплыть по началу его и переделат по своему. Впрочем я иначе скорбь и понять не могу, разумеется в себе: во мне покорность была-бы равнодушие, или по крайней мере бесстрашие. К стыду и к унижению души недуг этот, без сомнения, пройдет в свое время. Сделайте одолжение, поберегите Павлушу. Его одиночество, или сиротство в чужой толпе училища пугает меня. Он так нежно любил бедную Пашеньку и очень сильно чувствует печаль. Со временем потеря эта будет для него и для сестер еще важнее.

Теперь мое дело кончено и собираюсь в путь. Не знаем еще как едем и

поедем-ли вместе. Доктора советуют и очень настоятельно, особенно-же Надиньке, морские купания. Теперь вопрос: где, в средиземном-ли море, или в другом? Прошедшее мало обнадеживает на будущее и разуверяет в пользе и в действительности принимаемых средств, но все-таки должно делать, что по видимому и по человеческим понятиям делать надлежит. На днях это решится, но во всяком случае, я на днях намерен ехать прямо и безостановочно в Петербург. Скажите о сем Д. Г. Бибикову. Простите, милый друг. Грустно, но с неизменною нежностью и живостью чувства не утраченной в скорби обнимаю Вас и всех Ваших. Мысленно мы у Вас и у Павлуши. Милая Пашенька была также Ваша как и наша.

Обнимаю Жуковского. Получил-ли он первое письмо мое, которое адресовал я к нему, не зная как теперь здоровье Ваше. Мы пока здоровы.

II

m. 59, f. 32.

Неаполь, 26 марта (7 апреля) 1835.

Вы удивитесь получить известие от нас из Неаполя, куда приехали мы третьего дня вечером. Вот объяснение. Граф Гурьев предложил мне курьерское отправление из Рима на Вену на пути в Россию, а эта курьерская поездка начинается Неаполем. Таким образом и приехали мы сюда я, жена, Машенька и Тургенев на несколько дней посмотреть на здешние чудеса, а более всего отвести грустную душу с Вашими и нашими. Не сердитесь на них, а на нас, если нынешнее письмо будет не узаконенной меры¹, а гораздо короче. Мы отняли у них все время и завтра отправляются они с нами в Помпей, Салерно, Пестум и проч[ее] и проч[ее]. Простите. Обнимаю Вас и Ваших, Павлушу и Жуковского от всего сердца. Дайте знать Д. Г. Бибикову, что я уже на обратном пути, но определить в точности срок приезда моего в Петербург не могу, потому что это будет зависит от миссий через которые проеду.

¹ Le lettere delle sorelle Karamzin sono di lunghezza sorprendente, il che spiega le scuse rivolte da Vjazemskij alla sorella.

LETTERE DI P. A. VJAZEMSKIJ AL FIGLIO
SCRITTE DURANTE IL VIAGGIO A VENEZIA DEL 1853
Conservate nel fondo 195 dell'Archivio Centrale di Mosca (CGALI).

I

m. 4108, f. 300.

Венеция 10 (22) августа 1853.

Вот мы и в Венеции и благополучно прибыли сюда железною и морскою дорогою в пятницу 7 (19). Повторять общие места не хочу, а собственные впечатления привести в порядок еще не успел, а потому на этот раз в фразы

не пущусь. Фразы впереди. Вообще после Босфора, после Константинополя первый взгляд на адриатическую царицу не зарождит особенный восторг. Но внутренняя жизнь города очень оригинальна и вообще мне нравится. Я уже два раза купался. Лиза¹ начнет свои купания завтра. Вода очень тепла и можно надеяться, что около четырех недель еще так простоит. Пока остановились мы в гостинице Европа, но за дороговизною переезжаем в частный дом только на Gran Canale но в надежде, что хозяин не такая grande каналья. Вечером сидим и кушаем мороженое на Piazza S. Marco в огромном салоне набитым людьми, где никого не знаешь. Жену отводим домой, а с Лизою пускаемся в гондоле при месячном сиянии по разным каналам мимо черных, безмолвных и великолепных дворцов. Гондолы мне более по нутру чем карета². Здесь нашли мы Мери Пашкову с дочерьми и, кажется, они заменят нам карльсбадских Пашковых³. Через несколько дней будем мы жить с ними в одном доме. Мы писали Вам из Вены. Адресуйте нам письма на имя Frusca, consul de Russie à Venise.

Нежно Вас и детей обнимаю⁴.

¹ Liza Valùeva.

² Non siamo certi della lettura di questa parola.

³ A. V. Paškòv (1792-1868) e la moglie E. P. Kindjakòva (morta nel 1854).

⁴ Segue una postilla di Vera Fëdorovna.

II

m. 4108, f. 302.

Венеция 3 (15) ноября 1853.

Мы полагали сегодня выехать из Венеции, но Лиза простудилась, страдает зубною болью и отъезд наш на несколько дней отложен. Вы очень лениво пишете нам и давно нет от Вас письма. К[нягиня] Изабелла Гагарина¹ сказала нам, что Вас ожидают в Карлсруэ. Она опечалила нас известием о несовершенном хорошем здоровьи милой Марии². Но как эти вести старые, мы надеемся, что теперь ей лучше. Мы вероятно едем на Минхен. Хорошо, если бы там нашли мы строчку от Вас с уведомлением куда к Вам приехать в Баден-ли, или в Карлсруэ? Здесь много Русских: Свистунова, Гр[афиня] Воронцова, Графиня Адлерберг — кроме Пашковых и Васильчиковых. Свербеевского³ письма с векселем я еще не получал и пишем в Дрезден, чтобы отправили их к тебе. Только прошу их не *прорулетировать* даже и в том случае, если говорящий стол (как-то было, говорят, с Мухановым) укажет тебе наверный выигрыш. А что скажешь ты о восточных делах? С тех пор, что дерутся, еще менее добьешься толку. Мы с Стюрмером толкуем, толкуем и ничего заключить не можем. Идут негоциации — следовательно дойдет до драки. Началась драка — следовательно есть надежда на успехи негоциа-

¹ J. Gagàrina, nata Walewska.

² M. A. Vjázemskaja, nata Stolýpina; vedova Beck, era dal 1847 moglie di Pavel Petròvič.

³ Forse D. N. Sverbéev (1799-1874), marito di E. A. Ščerbàtova (morta nel 1892), buoni amici di Turgénev.

ций. Вот ⁴ смысл всего, что журналы говорили и говорят.

Мы на днях писали Мери. Вы и она изволите молчать. Вас и детей нежно обнимаю ⁵.

¹ Manca una parola che non è stata decifrata.

² Segue una postilla di Vera Fëdorovna.

III

m. 4108, f. 303.

Милан 2 (14) дек[абря] 1853.

Надеюсь выехать сегодня из Милана, а если не успеем, то завтра едем на Минхен, но как и когда туда добиремся еще неизвестно. До нынешнего дня погода нас баловала, но теперь она балуется и падает мокрый снег. Напишу Вам из Минхена. Жена немного кряхтит и дуется, но я не унываюсь. Вчера ездил я в Certosa di Pavia и любовался ее красотой и художественною роскошью. Нежно обнимаю Вас и детей ¹.

¹ Segue una postilla di Vera Fëdorovna.

LETTERE DI P. A. VJAZEMSKIJ ALLA MOGLIE VERA FËDOROVNA SCRITTE NEL 1859

Conservate nel fondo 195 dell'Archivio Centrale di Mosca (CGALI).

I

m. 3272, f. 218.

Генуя, 1 мая [1859].

Благополучно приехал, благополучно ехал, спокойно, не устал, ночью спал мало, но мой сосед спал за двух, и даже за трех. Видел тысячи французов, обедал с десятками офицеров. Видел Estancelin¹, видел наших Козлов², видел и вижу теперь Анжело, который у меня сидит и с которым сейчас еду в оперу. Vive la joie! on n'est jeune qu'une fois.

А Любовь Федоровна³ рада, что меня нет и изволит уписывать клубничку и земляничку также как и мой сосед спал, то есть за трех. На здоровье! Кланяюсь ей, Щербатовым⁴ и Голицыной⁵. Скажи последней, что по же-

¹ Forse L. Ch. A. Estancelin (1823-1906), uomo politico francese.

² Siamo incerti se si tratta di un nome proprio o di un nome comune, tanto più che è piuttosto difficile distinguere le maiuscole dalle minuscole.

³ L. F. Poleuchtova, nata Gagàrina, sorella di Vera Fëdorovna.

⁴ Forse S. A. Ščerbàtov (1804-1871), marito di P. B. Četvertinskaja, nipote di Vera Fëdorovna.

⁵ Ci è difficile dire chi sia questa Gollcyna, ma potrebbe essere la moglie di un diplomatico di quel nome, in quegli anni addetto alla legazione di Torino.

ланию ее будут теперь выходить два раза в день военные bulletins. Стало быть будет ей чем кормить свою воинскую лихорадку. — Когда будешь писать в Петербург пиши на пакет *par la France et affranchis les lettres pour qu'elles ne passent pas par l'Autriche.*

Нежно тебя обнимаю, будь здорова и не сиди, то есть, не лежи дома.

II

m. 3272, ff. 219-222.

Генуя, 2 Мая 1859.

Воля твоя, извини, — оно и не очень нежно и не очень вежливо — а должен я признаться, что очень рад, что я теперь не в Ницце, а в Генуе. Во-первых город сам по себе любопытный, и я вовсе не помнил его. Был я в некоторых палацках и церквах и любовался их красотою и великолепием. Есть места и прогулки в городе самые живописные. А что теперь за движение, за волнение, вообразить нельзя. Сегодня когда я проснулся, мне казалось, что я в Ницце, когда подымается ветер и море бурлит. А это бурлили голоса народа, который толпится на улице с утра до ночи. Настоящая ярмонка, а в особенности военная, где много красного товара, то есть красных панталонами. Сколько я мог разведать в кратких разговорах с этими красными панталонами, они все очень охотно идут драться и с нетерпением желают встретиться с белыми балахонами. На нас они крепко надеются. Вообще нахожу, что они все очень вежливы от офицера до солдата; ни в котором не случилось мне заметить французского самохвальства, напротив что-то степенное, хотя и очень живое. Правда, что я по большей части все натыкался на алжирские войска, которых непрерывная деятельность, труды и опасность должны были более образумить и нравственно воспитать, нежели парижская жизнь. Вчера разговорился я с капралом, который очень хорошо знал генуэзскую историю и в котором году жил такой-то дож. Правда, что другой спрашивал меня далеко-ли до Австрии, потому что многие из них полагают, что побывают и в Вене, разумеется, это говорят солдаты. — Во здешнем народе большого энтузиазма к французам не замечаю, любопытство, да, как обыкновенное любопытство народа пред каждым новым зрелищем. Мне это подтвердил и один штаб-офицер, который говорил, что в Франции на дороге встречали они гораздо более энтузиазма нежели здесь. Вначале война была непопулярна, но действия австрийского правительства всех возмутили и возбудили общее негодование. Все не надивятся, как австрийцы потеряли столько дней и не поспешили напасть на Пьемонт до скопления французских войск. Доселе были только маленькие стычки, *escarmouches* между сардинцами и австрийцами без всякого результата. И здесь много пустых слухов. Ожидают сюда Наполеона, даже в четверг. Если так, то дождусь приятеля. Завтра, может быть, поеду в Турин. Отправление железною дорогою неверным, потому что отправляются войска, и тогда публики не допускают. Скажи Щербатову, что напрасно не приехал он со мною (опасности от встречи с неприятелем нет ни малейшей). Минута здесь очень интересная. Он нашел бы здесь свой Алжир и даже

своих турков, которые здесь впрочем очень смирные. — Я купил коралловые вещи, кажется не очень хорошо, и довольно дорого: шесть всего ни сем русских золотых штучек. Руководитель мой Анжело¹, который здесь вообще мой ангел-хранитель. — Вчера в театре в конце балета, была выставлена подвижная колонна, на которой стояла кукла представляющая Италию осененную французскими и сардинскими знаменами. Не очень замысловато, но чувства много, и публика была довольна.

Разберешь-ли мое мارانье? Пишу при свечах и на дурном столе. Если не поленишься, выпиши из письма моего *les actualités* и сообщи их от меня Титову. Самому писать мне нет времени.

Это мое второе письмо к тебе.

Очень нежно обнимаю и отправляюсь с моим ангелом в Casino — и в славный здешний кафе Concordia. — Турель² сказал мне, что отправил к тебе ситец.

¹ Non siamo in grado di dire chi possa essere questo Angelo.

² Non abbiamo trovato particolari su questo personaggio.

III

m. 3272, f. 223.

Gênes, 3 мая

А я главное и забыл тебе сказать, что я два твои яичка дорогою скушал и с благодарностью. Впрочем нового пальпитантного ничего нет. — Сейчас отправлюсь по железной дороге в Турин. Оттуда напишу, если не попаду в плен, тогда, может быть из Спильберга. Прости. Жаль, что нет весточки от тебя. Надеюсь, что ты благодаря Бога, здорова и что все благополучно. Нежно обнимаю.

IV

m. 3272, f. 224.

Турин, 4 мая.

Трудный поход совершили мы из Генуи в Турин. Вчера выехали по железной дороге в два часа после полудня и часу в седьмом должны были бы здесь быть, а между тем приехали сюда только сегодня в четыре часа пополудни. Мы ночевали в Александрии, потому что за множеством французских войск, которые перевозили, нас перевозить не хотели. Мы в Александрии точно бивуакировали, в скверном трактире и в скверной комнате, потому что все битком набито французскими войсками. Говорю мы, потому что я сочтался старым французом, кажется, очень добрым человеком. Сын его один

из главных деятелей в компании русских железных дорог. — Видел я Стакельберга ¹ и сейчас еду к нему обедать. Дело теперь как выехать из Турина. По той-же дороге ехать не хочу, боюсь новых остановок. Стакельберг мне это обещал устроить. Нежно тебя обнимаю. Я веду такую военную жизнь, что хочу отпустить себе усы.

¹ E. J. Štakel'berg (1813-1870), diplomatico, dal 1848 al 53 consigliere d'ambasciata a Parigi, dal 1853 al 56 a Vienna, dal 1856 al 61 incaricato d'affari a Torino, nel 1861 in Ispagna, dal 1862 al 64 nuovamente a Torino e poi a Parigi. Era sposato con la marchesa M. A. de Tamisier (morta nel 1860).

V

m. 3272, f. 226.

Турин, четверг 5 мая ¹.

Мне самому, кажется, что я уже, бог весть, когда выехал из Ниццы. И мне совестно, что я так загулялся и тебя долго одну оставляю. Да и грустно мне, что все это время, я без вести от тебя. Жаль, что не условились мы, что ты напишешь к Анжело. Напрасно проехал я в Турин и оттого должен был потерять целый день в Александрии. Но как было не думать, что здесь найду много любопытного и животрепещущего. Ни тут-то било. После Генуи Турин кажется глухим монастырем. Даже и красные панталоны не рябят в глазах. Вместо того буду обедать сегодня у Стакельберга, с новобрачною соседкою нашею, бывшей Лубьяновской, а теперь, не знаю, как назвать ее ². — Кажется, нового ничего нет. По крайней мере, до меня не доходило. Городских вестей много, но все пустые. Официального ничего нет, кроме того что австрийцы усиливаются. Пойду к Рустем Беоу ³. Авось, он что нибудь да скажет мне. Надеюсь завтра выехать отсюда с Жадовским ⁴, не знаю еще какою дорогою. Но все-же в воскресенье, или в понедельник думаю быть в Ницце. Между тем можешь приняться за сборы к отъезду. По возвращении моем надобно будет поспешить. — С отъезда моего я каждый день писал тебе. Может быть завтра в дороге не удастся написать: стало быть, не беспокойся. Нежно тебя обнимаю.

¹ Lettera scritta su carta dell'« Hôtel Feder » - Turin et Gênes.

² Probabilmente A. F. Lubjanovskaja, figlia di Fëdor Petròvič (1809-1874) che sposa nel 1858 un marchese Cordero di Montezemolo.

³ Rustem Bey (1810-1895), figlio di genitori italiani nato ad Amburgo, prestò servizio nel ministero degli esteri turco e fu dal 1856 al 1860 incaricato d'affari a Torino.

⁴ Non sappiamo chi sia questo Žadòvskij; si tratta probabilmente di un discendente della famiglia omonima di antica nobiltà.

VI

m. 3272, f. 229.

Генуа. Пятница [6 мая].

Имею честь донести, что я благополучно возвратился в Геную и не подвергался нападениям австрийцев, которые, кажется, вообще ни на кого не нападают, разве только на себя. Кроме маловажных стычек, кажется, ничего

не было. А между тем французские силы все валят и все с каждым днем и с каждым часом более и более приваливают. Я сегодня встал в половине пятого часа и довольно устал. Стало быть прощай. Выеду отсюда завтра, или после завтра. Нежно обнимаю.

VII

m. 3272, f. 230.

Генуа. Суббота [7 мая].

Жадовский сегодня отправляется морем. Но я по морю не ездук. Я только воспеваю его. Думаю выехать завтра, или в понедельник, и если можно, ночевать на дороге, чтобы не нанимая коляски, дешевле увидеть корнишу днем. Вот тебе цветок из великолепной виллы Паллавичини. Императора ожидают сюда в среду. Жаль, а я не дождусь его. — Нежно тебя обнимаю. Жадовский везет тебе букет от меня.

LETTERA DI P. A. VJAZEMSKIJ AL FIGLIO SCRITTA NEL 1859
Conservata nel fondo 195 dell'Archivio Centrale di Mosca (CGALI).

I

m. 4108, f. 293.

Ницца 30 апр[еля] (12 мая) 1859¹.

Возвратившись с похода, спешу Вас успокоить и удостоверить, что я благополучно совершил свой поход и не попал к австрийцам в руки. Я очень доволен своею поездкою в Геную и в Турин. Особенно первая потешила меня своим движением. Вообразить себе нельзя этот шум, эту военную лагерную пестроту посреди древних, уже отживших и снова оживших мраморных дворцов, которые как будто с просонья глядят и дивлятся на все то, что кругом их делается. Жаль, что я не мог дожидаться приезда Наполеона, он сегодня должен быть в Генуе, где готовилась ему великолепная встреча, иллюминация и проч[ее] — а вот предстоит нам и другой поход, но мирный. Хотим дать время дорогам очиститься от прибывающих войск и на будущей неделе отправиться в Швейцарию и потом в Стутгарт... у меня еще рябит в глазах от красных панталонов, которые мне попадались тысячами на каждом шагу и я еще не совершенно отдохнул от своей тревожной и бивуачной жизни. Из этого шума и волнений попал я в Ниццу как в монастырь, так здесь все тихо и неподвижно. Все почти разъехали и остальные разъезжаются... Над нами живут две миссы, которые с утра до вечера разучивают итальянские арии, и

¹ Lettera scritta su carta dell'*Hôtel de France* Chez Isotta - Gênes.

этот *итальянский вопрос* ужаснее первого. А что говорит Павел об этом вопросе? Вероятно пускается в парадокси, но тут не доходило бы у нас чуть не до драки, как по восточному вопросу. Хотелось бы мне послушать и Тютчева, то-то распекает он. Здесь слушать некого.

LETTERE DI P. A. VJÀZEMSKIJ ALLA MOGLIE VERA FÈDOROVNA
SCRITTE NEL 1863

Conservate nel fondo 195 dell'Archivio Centrale di Mosca (CGALI).

I

m. 3272, f. 21.

Милан. Понедельник [23 novembre 1863].

Спасибо за письмо. Павел отправил ящик в Венецию Casa Barbier на свое имя. Поговори с Графинею Паллавичини ¹, которая обещала отстранить таможенные затруднения. Ночи мои не хуже чем в Венеции. Вчера опять были мы в опере, давали Норму. Был я у Манцони. Погода хорошая. Много жожу. Дам знать по телеграфу в который день выедем. Нежно тебя обнимаю.

¹ Non è chiaro di quale contessa Pallavicini egli voglia parlare; sappiamo soltanto che Vjàzemskej aveva conservato il biglietto di visita di una contessa Jane Pallavicini, nata de Nugent.

II

m. 3272, f. 22.

Милан [24 novembre 1863].

Сейчас едем в Chartreuse и к обеду возвратимся. Вероятно отправимся отсюда послезавтра, т[о] е[сть] в четверг, а может быть и в пятницу, в ожидании моей фотографии и сапогов, которые по старой памяти и историческим преданиям заказал я сыну знаменитого Ронкети. Что у Вас делается? Здесь хорошо, но свежо на дворе и в комнатах. Я вчера писал тебе и благодарю за письмо сейчас полученное. Нежно тебя обнимаю.

III

m. 3272, f. 23.

Милан. Середа [25 novembre 1863].

Кажется, положительно отправляемся в пятницу ¹ в 12 часов, следовательно-

¹ Probabilmente il 27 novembre 1863.

но должны быть в Венеции к одиннадцати часам вечера. Вышли гондолу, вели протопить комнаты, и на всякий случай приготовить чтонибудь по есть. Сейчас лазили мы на верх Миланского Дома, т[о] е[сть] разумеется, не Павел и я, а я с Борелем². Впрочем я на самый верх не лазил. Каждый вечер бываем в театре и каждый день деньги значительно убивают. За две свои комнаты плачу девять франк[ов]. На прочее цены не высокие в гостинице, но внешние издержки уносят деньги. Нежно тебя обнимаю.

² Non siamo certi della lettura di questo nome.

DIARIO DEL VIAGGIO DI P. A. VJAZEMSKIJ
ATTRAVERSO LE PROVINCE VENETE E LUNGO IL LAGO DI GARDA
NELLA PRIMAVERA 1864

m. 1135, f. 182.

Поездка на lago di Garda и в Меран.

21 мая 1864. В половине часа выезд из Венеции до ст[анции] Доло. В коляске мимо г[орода] Доло по направлению реки Бренты ко дворцу императора. Посетили Граф[иню] Молтке¹. Дворец и сад в Стра. Замечателен зал с хорами. Оранжерея всех существующих сортов лимонных деревьев, между ними сорт сладких лимонов.

Падуа. Базилика Св. Антония, громадное строение с замеч[ательными] древними памятниками. Алтарь St. Felix весь в древн[их] фресках. Против него белая мраморная колоннада алтаря Св. Антония с горельефами Сансовино. Ботанический сад: Кедр Ливанский. Был у Граф[ине] Каподилиста, урожденной Графини Орестис².

Виченца. Сад Гр[афа] Сальви³ и Театр Олимпийский, построенный Палладио. Вечер в театре Diurno, — представление акробатов.

22 мая. Прогулка по окрестностям. Развалины великолепной Ротонды Palladio. Вилла и сад Гр[афа] Рамбальдо⁴. Церковь Мадонны на monte Verico. Аркады до самого города.

Верона. Piazza dei Signori. Памятники фамилии Скаллигеров. Собор с картиною Тициана: Успение. Зал в палатце юстиции с троянским конем и памятником одного из потомков семейства Тита Ливия. Позорный камень для банкротов. У входа две египетские статуи. Церковь Св. Амброзия (близ отеля) Piazza Bra с древнею ареною. Сад графа Justi⁵ с древними кедрами; одному считают до тысячи лет. Церковь Св. Зено, патрона провинции. Огромная статуя Зено, седьмого архиепископа Веронского, работы XII века, той же работы двенадцать раскрашенных статуй апостолов и Христа. Вечером в театре Ристори представление фокусников.

¹ Non sappiamo dire di quale contessa Moltke si parli.

² Nell'album di Vjazemskij è conservato il biglietto di visita della contessa Emo Capodilista che abitava a Padova in via S. Daniele.

³ Era il nome del grande giardino cittadino, allora alla periferia della città.

⁴ La Villa Rambaldi si trova sulla strada che conduce alla Rotonda del Palladio.

⁵ Giardino del palazzo Giusti a S. Maria in Organo « che si eleva alla sommità della collina... abbellisce l'estremità del giardino un bel casino di riposo » (cfr. *Nuova Guida di Verona e della sua Provincia*, Verona, 1854, p. 240).

23 Мая. Переезд утром в Desenzano и оттуда в коляске в Сало. Шоссе вьется между небольшими возвышенностями. Тут и там развалины доминиканских монастырей. Впереди поднимаются тирольские Альпы. В Сало начинаются лимонные сады, они тянутся по левому берегу Гардского озера почти до северной его оконечности. Прогулка на лодке по озеру до виллы, где живет бывший английский посланник в Турине Гудсон⁶, а теперь убивший рыбу в озере. Три колоссальные кариатиды лежат в саду.

24 Мая. Утром переезд из Сало в Гарньяно (в коляске 15 фр[анков] и полтора франка pour boire). Дорога постоянно идет между виноградными и лимонными садами по берегу озера. Деревни Toscolano, Maderno и перед самым въездом в Гарньяно имение Графа Беттони⁷; палаццо огромное, но постройки казарменной. Большое собрание картин, между которыми есть, или по крайней мере считаются несколько Корреджий, Гвидо Рени и венецианской школы. Имение очень богатое. Прежде собиралось до двух м (sic) лимонов, но около трех лет болезнь деревьев сократила сбор этого до 1/10 д[южи]ны. Лучший сорт десять фр[анков] сотня. Из Гарньяно пароход в Limone мимо дер[евне] Tremosine на высокой скале белеется церк[овь] Мадонны di Monte di Castille. Памятник погибшим при взрыве парохода в 1859 году. Озеро сложивается между отвесными утесами в левой стороне шоссе, высеченное в скале, напоминает «corniche» из Ниццы в Геную. На право громадный утес упавший с вершины горы в озеро. За ним Riva городок на северной оконечности озера. Сообщение из Limone в Riva только по озеру на лодке. Оно с виду смиренное, но при ветре особенно вспльчиво. Виргилий в георгиках сказал о нем: «Fluctibus et fremitu assurgens Venace marino». Римляне называли его: «lacus Venacus». Ночной переезд по горам из Ривы в Roveredo мимо озера Loppio. Roveredo очень чистенький и большой город. Станция железной дороги.

25 Мая утром. Чрез Трент в Ботцен или Bolzano. Готическая церковь и два сада. Приехали в Меран в шестом часу вечера.

Итальянские пароходы не ходят к австрийским берегам, а австрийские к итальянским. Подплывая на четырех весельной лодке к Риве, нас порядочно подкачивало.

⁶ J. Hudson (1810-1885), sir, diplomatico inglese fu dal 1852 al 1862 ministro plenipotenziario a Torino e appoggiava la politica del Cavour.

⁷ Intende la Villa dei Conti Bettoni a Bogliasco che offre una splendida vista sul lago; ivi si conservano pregevoli dipinti del Correggio, dei Palma e di scuola fiamminga.

LETTERA DI P. A. VIAZEMSKIJ
ALLA PRINCIPESSA ZINAÏDA VOLKÛNSKAJA.

Archivio Volkònskij del barone B. C. Lemmermann di Roma.

Hanau, le 15 (27) Septembre 1834.

Savez-vous, chère Princesse, que nous avons quitté la Russie, que nous sommes en Allemagne et que nous nous acheminons vers Vous, c'est-à-dire vers Rome? C'est la mauvaise santé de ma seconde fille qui a motivé notre voyage. Nous sommes venus tout droit à Hanau, pour consulter le docteur Kopp qui nous avait été

fortement recommandé par Joukoffski et par les médecins de Pétersbourg. Dieu merci, nous avons jusqu'à présent tout lieu de nous féliciter d'avoir suivi cette indication. Comme la saison était trop avancée pour aller aux eaux (vu que nous n'avons quitté Pétersbourg que le 11 (23) août, la crainte pour l'état de la poitrine de Pauline ne s'étant prononcée qu'en Juillet) M.r Kopp nous a retenus ici pour étudier la maladie et pour baser le traitement qu'il y aurait à suivre. Nous sommes ici depuis près de trois semaines et nos craintes pour la poitrine se sont dissipées, la santé de Pauline s'améliore lentement, mais cependant d'une manière assez satisfaisante et si Dieu le donne nous pourrions nous remettre en route dans le courant du mois prochain. C'est à Rome que l'on nous conseille de passer l'hiver et je m'y prends d'avance pour venir me placer avec tous les miens sous votre protection tutélaire. Donnez-Vous, je Vous prie la peine, d'éclairer mon inexpérience et de me guider dans les mesures que j'aurai à prendre. C'est à cette fin que je prends la liberté de vous poser quelques questions en Vous priant de m'y faire répondre par quelqu'un des Vôtres et surtout par le Comte Ricci, s'il se trouvait à Rome pour le moment. Je compte trop sur son amitié pour douter de la bonne volonté qu'il mettra à me rendre service et pour me faire scrupule de m'appeler tout franchement à son obligeance. Voici de quoi il s'agit:

Nous aurons besoin d'un appartement de quatre chambres exposées au soleil: ceci est une condition indispensable pour la santé de ma fille, et comme de raison, dans le quartier le plus salubre de la ville. Comme condition de second ordre, et dans l'intérêt économique, nous désirerions être logés à bon compte, car Vous savez que nous n'avons pas d'argent de trop et que notre voyage a dû déjà nous imposer des sacrifices assez pénibles. Pour arriver à ce double but c'est-à-dire pour être logés confortablement et économiquement devons-nous prendre, (ou arrêter d'avance) un appartement dans un hôtel garni, ou bien en chercher un dans une maison privée et...¹ nous monter tant soit peu en ménage, avoir une cuisinière etc. A combien pourrait monter le mois d'une manière ou de l'autre? J'entends bien sans aucune recherche, ni rien que le nécessaire et une honnête aisance. Notre ménage est composé de ma femme, de nos trois filles et de deux femmes de chambre. Quant à moi, je ne fais que les accompagner, une fois que la santé de Pauline sera remise ou du moins en bon train, que je les aurai établies, que j'aurai salué Vous et mon patron, je me prendrai de retourner dans mon foyer et dans mes douanes, car je n'ai obtenu qu'un congé de quatre mois et craindrais de passer pour de la contrebande, si je me présentais (*sic*) plus tard. Ma famille fera probablement un séjour de quatre à cinq mois à Rome, de novembre jusqu'en avril. Quelle serait la meilleure route, c'est-à-dire la plus commode et la moins coûteuse à prendre pour se rendre directement à Rome, de Francfort par exemple? Vous qui connaissez les grandes routes de l'Europe en tout sens, comme je connais la route de Moscou à Ostafiewo, Vous avez certainement parcouru bien des fois cette distance et par terre et par eau, et par poste et *sur des longues* (comme on dit dans notre bon Moscou *na dolgich*) ou avec un *vetturino*, et nul mieux que Vous ne saurait me dire l'exacte vérité. Je m'en remets donc à Vous en pleine et franche confiance et ne Vous adresse pas même

¹ Una parola non è stata decifrata.

les formalités de rigueur, pour Vous demander pardon de l'ennui que je Vous cause et de la peine que je Vous donne.

Je juge d'après moi et comme l'absence n'a porté aucune atteinte aux sentiments que je Vous avais voués à l'époque d'heureuse mémoire de Votre séjour à Moscou, j'aime à croire que la bienveillance que Vous m'avez témoignée est aussi du petit nombre des choses de ce monde que les révolutions physiques, sociales, romantiques et fantastiques de nos jours ont laissé *in statu quo*. Je n'ai aucune nouvelle à Vous donner de la Russie et encore moins de Hanau, qui est une très bonne ville, mais hermétiquement fermée. Je viendrai respirer librement et chaudement auprès de Vous et me *dégermaniser*, ou me *dépomme de terriser* dans le pays *wo die Zitronen blübn*. Toute ma famille se joint à moi pour Vous dire combien nous serons heureux de Vous revoir et pour Vous présenter nos hommages bien sincères et bien dévoués. J'attends avec impatience et reconnaissance préalable Votre supplément bienveillant au guide du voyageur, car j'ai plus de foi en Vous qu'en le conseiller de guerre de S. A. le duc de Saxe-Gothe. Adressez-moi, je Vous prie, Vos renseignements à Hanau (près de Francfort sur le Main) *poste-restante*. Mes hommages à Madame Votre Soeur et mes amitiés au cher comte Ricci.

ARTICOLO DI P. A. VJAZEMSKIJ PUBBLICATO NELLA «GAZZETTA UFFICIALE DI VENEZIA» DEL 2 GENNAIO 1864¹

Siamo abituati in Russia alla malevolenza della stampa francese, e ne facciamo poco conto. Le passioni, in generale, e precipuamente le passioni politiche, non odono, e per di più, non vogliono udire il linguaggio dell'imparzialità e della verità. Sarebbe dunque inutile confutare tutte le stravaganze, le maligne bassaggini e le calunnie, che i giornali si compiacciono d'ammonticchiare nelle loro colonne rispetto alla lotta deplorabile, che i Polacchi han fatto nascere, e che la Russia si vede a malincuore obbligata di combattere, s'ella non vuol abdicare e deporre a' pie' degli insorti la sua dignità come Stato, e il suo onore come nazione. Ma v'hanno casi, in cui il silenzio del disprezzo non è sufficiente, nè possibile. Il fatto seguente ne porge una prova: «*La Gazzetta di Mosca*» aveva pubblicato, nel Numero di ottobre, la descrizione e il disegno di un pugnale avvelenato, vero strumento di *torture*, adoperato dai *gendarmi impiccatori*, guardia d'onore, istituita in Polonia dal sedicente Governo nazionale, ch'altro non è, in sostanza, se non il *Comitato di salute pubblica*, di triste memoria; colla differenza che il Comitato rivoluzionario francese aveva il coraggio di mostrarsi in piena luce, mentre invece il Comitato pseudonimo e anonimo in Polonia si nasconde nel-

¹ Questo articolo, copiato da Vjazemskij nel diario del 1864 (cfr. CGALI, fondo 195, m. 1135, ff. 86-87), non è firmato nella «Gazzetta Ufficiale di Venezia», ma porta nel manoscritto l'annotazione: «Il mio articolo pubblicato nella Gazzetta Ufficiale di Venezia n. 1, Sabato 2 gennaio 1864». Evidentemente è poco probabile che Vjazemskij avesse scritto l'articolo in questa forma italiana, perchè non supponiamo che potesse conoscere la lingua con tale perfezione; secondo noi, avrebbe potuto essere aiutato nella redazione italiana da N. Barozzi.

l'ombra, e non ha al suo servizio se non *bravi* oscuri e poco esigenti; assoldati al prezzo d'una o due zwanziche al giorno.

« *L'Opinion Nationale* », nel suo Numero del 16 novembre, riprodusse l'articolo russo; permettendosi una leggiera modificazione nella traduzione, e segnatamente quella di porre nelle mani de' Russi l'arma adoperata dai Polacchi, e di dire, rovesciando completamente il senso dell'articolo della « *Gazzetta di Mosca* », che il Governo, che armava i suoi agenti di simili pugnali avvelenati, era il Governo russo. Il giornalista francese ebbe di più l'imprudenza di congratularsi col giornalista russo pel coraggio, ch'egli ebbe di denunciare al pubblico quest'atto barbaro del suo Governo. Il sig. Katkoff² compilatore della « *Gazzetta di Mosca* », poco riconoscente a questo elogio del suo onorevole confratello, inviò a Parigi la procura richiesta, a fine d'intentare processo ne' Tribunali contro l'*Opinion Nationale*. Ignoriamo ancora l'esito di tale pratica.

Si ammette di buon grado in Russia la divergenza delle opinioni e delle simpatie e in ogni questione politica internazionale. Le simpatie per la causa politica possono essere un affare di convinzione, e possono essere tanto coscienziose e di buona fede, quanto quelle, che si palesavano favorevoli alla Russia. Ma la menzogna è sempre menzogna. E gli avvocati, che si servono di codesti argomenti per difendere la loro causa, oltre all'essere colpevoli di fellonia, sono ancora inavvedutissimi. Ei disonorano e perdono, a vista della gente sensata e onorata, la causa, che assunsero di difendere.

² M. N. Katkòv (1818-1887), pubblicista, redattore di « *Moskovskie vedemosti* » e fondatore di « *Russkij vestnik* ».

NINA KAUCHTSCHISCHWILI.

L'ITALIA NELLA VITA
E NELL'OPERA DI P. A. VJÀZEMSKIJ

SOCIETA' EDITRICE VITA E PENSIERO - MILANO